

РАЗВОД ПО-УМНОМУ

Сапожник без сапог

МАГИССА

Магисса -

Развод по-умному: Сапожник без Сапог

<https://litres.ru/74350763>

Аннотация

Я работаю в ЗАГСе и каждый день вижу счастливых людей, надевающих кольца. Но на двадцатую годовщину моего собственного брака муж преподнес мне «сюрприз». Вместо цветов он привел в наш дом молодую любовницу.

— Ты куда собралась? — Леонид удивленно моргнул, глядя на мою дорожную сумку. — Анжела, не глупи. Квартира общая, я тебя не выгоняю. Просто войди в положение! У нас с Лидочкой любовь, ей сейчас нельзя волноваться, а съемное жилье — это стресс.

— Стресс, Леня, — это когда ты просыпаешься с чужим человеком, — тихо сказала я, положив ключи на тумбочку. — За коммуналку заплатишь сам. И за «музу» свою — тоже.

— Да кому ты нужна в сорок лет! — крикнул он мне в спину, теряя маску интеллигента. — Помыкаешься и вернешься! Я ждать не буду!

Я закрыла дверь с той стороны. Я тоже не буду ждать, Леня. Я буду жить.

В тексте вас ждут: Жизненная драма и измена (муж-нарцисс получит по заслугам) Сильная героиня 40+ (которая учится любить себя заново) Настоящий мужчина (немного угрюмый, но надежный как скала) ✂ Противостояние характеров ☆☆ ХЭ (Счастливый финал) обязателен!

Содержание

Глава 1. Чужой праздник	5
Глава 2. Подарок с чекой	11
Глава 3. Знакомство поневоле	18
Глава 4. Вторжение	26
Глава 5. Бабушкина берлога	35
Глава 6. Взгляд из зазеркалья (Леонид)	42
Глава 7. Потоп	50
Глава 8. Я не вызывала медведя	59
Глава 9. Аллергия на кольца	67
Глава 10. Первый звонок из прошлого	86
Глава 11. Диета для музыки (Леонид)	100
Глава 12. Работа над ошибками	119
Глава 13. Шерстяной уют	134
Глава 14. Чужая свадьба	147
Глава 15. Фокус сместился	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Глава 1. Чужой праздник

— ...объявляю вас мужем и женой!

Слова слетают с моих губ легко, почти беззвучно, как выдох. Губы сами собой растягиваются в профессиональной, отработанной годами улыбке. Номер семь. «О двух половинках, что искали друг друга в огромном мире и наконец обрели своё целое». Одна из самых востребованных речей. Молодожёны её любят.

Я смотрю на них — совсем юных, восторженных, немного напуганных. Невеста, хрупкая девочка в платье, похожем на бэзе, сжимает тоненькими пальцами букет так, будто это спасательный круг. Жених, коротко стриженный парень в костюме, который ему явно великоват в плечах, стоит навытяжку, словно на экзамене. Он то и дело сглатывает, его каждый нервно дергается.

Они смотрят друг на друга с таким обожанием, с такой всепоглощающей нежностью, что мне на секунду становится не по себе. Словно я подглядываю в замочную скважину за чем-то слишком интимным, слишком настоящим для этих казенных стен с облупившейся позолотой.

Мой взгляд скользит выше, к потолку. У самой люстры, там, где лепнина изображает пухлых амурчиков, расплзлась едва заметная трещинка. Паутинка. Надо будет сказать Романычу, нашему завхозу. А то ведь и правда, посыплется

штукатурка на чью-нибудь счастливую голову в самый торжественный момент. Испортит кадр.

— Можете поздравить друг друга, — командуя я, возвращая улыбку на место.

Жених неловко, как-то по-медвежьи, обнимает свою молодую жену. Она смеется, запрокинув голову. В зале раздаются аплодисменты. Я делаю шаг назад, в тень, становясь частью интерьера. Моя работа на сегодня почти окончена. Последняя пара.

Ноги гудят. Чёртовы туфли, купленные три года назад по случаю другого юбилея — у начальника отдела, — снова доказали свою коварность. Выглядят прилично, но через пару часов превращают ступни в пыточный инструмент. Я мысленно обещаю себе, что завтра же приду на работу в старых, разношенных, и плевать, что у них слегка сбит носок.

Марш Мендельсона, старая, дребезжащая запись. Гости, шурша нарядами, устремляются к выходу. А я думаю о мраморном стейке, который утром обошелся мне почти в четверть зарплаты. И о бутылке «Кьянти», припасенной с прошлого Нового года. Сегодня двадцать лет. Двадцать лет, как мы с Леонидом вышли из точно такого же зала, только в другом городе. Я тогда была в простом белом платье, которое мне сшила мама, и чувствовала себя королевой. Лёнька нес меня на руках до самой машины.

— Анжела Викторовна, вы сегодня великолепны! — говорит мне на выходе мать невесты, полная женщина в ярком

люрексовом платье. — Так проникновенно говорили, я аж прослезилась.

— Это моя работа, — улыбаюсь я ей в ответ. Улыбка номер три, «благодарная и скромная».

Когда зал пустеет, я наконец позволяю себе расслабиться. Прикрываю на секунду глаза. Тишина. Больше никаких счастливых лиц, никаких клятв, никаких пьяных родственников. Я снимаю туфли прямо здесь, посреди зала, и блаженно вытягиваю ноги. Какое счастье.

— Закончила, Катышкова? — в дверях появляется Вайнона, моя коллега и единственная подруга. Бойкая, громкая, с огненно-рыжим каре и неизменной алой помадой. — Вид у тебя, будто ты не пары женила, а вагоны разгружала.

— Примерно так и есть, — вздыхаю я, подбирая туфли. — Последние были такие восторженные, что у меня от их счастья зубы свело.

— Ой, не язви. Работа у нас такая. Пойдем, я торт принесла, «Сказку». Отметим конец недели.

— Не могу, Вайнона. Спешу.

Я ковыляю в наш маленький кабинет, где мы переодеваемся. Быстро стягиваю строгий синий костюм, который уже ненавижу, и облачаюсь в любимые джинсы и мягкий свитер. Собираю волосы из тугого пучка в небрежный хвост. Всё, теперь я не Анжела Викторовна, регистратор браков. Теперь я просто Анжела. Женщина, которая очень хочет домой.

— А что за спешка? — Вайнона заходит следом, уже на-

ливая себе чай. — Сын из армии вернулся, что ли?

— У нас сегодня дата, — говорю я, натягивая удобные балетки. — Двадцать лет.

Вайнона присвистывает.

— Ого! Солидно. Ну, тогда понятно. Тогда беги, конечно. Лёнька твой, небось, фейерверк под окнами готовит! — она подмигивает мне. — Мужик он у тебя творческий, должен был расстараться.

Я слабо улыбаюсь. Творческий. Это правда. Вот только его творчество в последние годы направлено куда-то не в ту сторону.

— Посмотрим, — уклончиво отвечаю я и, подхватив сумку, выхожу из кабинета. — До понедельника!

На улице сыро и промозгло. Ноябрь в нашем городе всегда такой — серый, тоскливый, безрадостный. Низкое небо давит на плечи, мелкий холодный дождь сечет лицо. Я поднимаю воротник плаща и ускоряю шаг.

Мысль о сюрпризе, подкинута Вайноной, против воли пускает корни в сознании. А вдруг? Вдруг он и правда что-то приготовил? Двадцать лет — это не девятнадцать и не восемнадцать. Это рубеж. Может, он заказал столик в «Старом парке», где мы отмечали первую годовщину? Или, может...

Я достаю телефон. Пропущенных нет. Набираю его номер. Длинные, протяжные, безнадёжные гудки. Один, второй, третий... После пятого я сбрасываю вызов. Лёгкое раздражение, такое привычное, колет под ребрами. Опять увлекся.

Сидит в своей коморке, которую называет студией, обрабатывает очередную «гениальную» фотосессию, и весь мир для него перестал существовать.

Нет, так нельзя. Нельзя накручивать себя. Я же знаю его. Он просто заработался. Чтобы сюрприз был лучше. Я сама так решила. Я убираю телефон в карман. Он просто хочет, чтобы я пришла, а там — свечи, ужин, цветы... Он ведь может быть романтичным, когда захочет. Правда, в последний раз он хотел этого лет пять назад, когда ему срочно понадобились деньги на новый объектив, но ведь это неважно.

Автобус, набитый усталыми людьми, везет меня в наш спальный район. Я смотрю в запотевшее окно на проплывающие мимо огни витрин, на спешащих прохожих, и чувствую себя отделенной от них всех невидимым стеклом. У них своя жизнь, у меня — своя. Сегодня в моей жизни должен быть праздник. Я почти верю в это.

Мой дом. Мой подъезд. Мой этаж. Сердце почему-то стучит немного быстрее обычного. Глупость какая. Я достаю ключи. На секунду замираю у двери, прислушиваясь. За дверью тихо.

Щелчок замка кажется оглушительным.

Я толкаю дверь. В квартире темно. И тихо. Так тихо, что слышно, как гудит холодильник на кухне. Пахнет не праздничным ужином, не цветами. Пахнет пылью, остывшим кофе и... одиночеством.

— Лёня? — мой голос звучит глухо и неуверенно.

Ответа нет.

Я щелкаю выключателем в прихожей. Свет выхватывает из темноты привычный беспорядок: Лёнькины кроссовки, брошенные как попало, его модный клетчатый шарф, свисающий с вешалки. На тумбочке — вчерашняя газета.

Надежда, такая хрупкая, такая старательно выпестованная, лопается, как мыльный пузырь. Бесшумно и неотвратимо.

Я не раздеваясь прохожу на кухню. И здесь свет. На столе стоит одинокая грязная чашка с коричневым ободком. Рядом — пустая пачка из-под сигарет. Никаких следов готовки. Никаких цветов. Ничего.

Я останавливаюсь посреди кухни, все еще сжимая в руке ручку сумки. В ней — дорогой стейк, бутылка вина, свежая зелень. Продукты для праздника, которого нет. Тяжесть этой сумки вдруг становится невыносимой. Она тянет меня к земле.

Я смотрю на грязную чашку, на крошки на столе, на календарь на стене, где сегодняшнее число — двадцать четвертое ноября — обведено красным сердечком. Моей рукой. Месяц назад.

В голове пусто. Ни злости, ни обиды. Только оглушающая, ледяная пустота. Словно внутри меня что-то оборвалось. Что-то, что держалось на тонкой ниточке веры все эти годы.

Забыл.

Глава 2. Подарок с чекой

Щелчок замка ударил по натянутым до предела нервам, как хлыст. Я вздрогнула, рука, неподвижно лежавшая на столе, дернулась, и пальцы едва не опрокинули бокал с нетронутым вином. Я замерла, прислушиваясь к звукам в прихожей.

Вот он. Вернулся.

Пока он там возился, снимая ботинки, я успела сделать один судорожный, неглубокий вдох. Воздух в кухне казался густым и холодным, пропитанным запахом остывшего мяса и разочарования. Я сидела в этом коконе из тишины и темноты уже, наверное, часа три. Ровно столько, сколько потребовалось моей последней, самой упрямой и глупой надежде, чтобы умереть окончательно.

Сначала она еще трепыхалась. Я говорила себе, что он попал в пробку. Потом — что у него сел телефон. Потом — что он носится по городу в поисках особенного букета, того самого, который невозможно найти в первом попавшемся ларьке. Я даже улыбалась этой мысли, представляя его растерянное лицо.

Но время шло. Стрелки на настенных часах, подарок его матери на наше новоселье, ползли с безжалостной медлительностью. Стейк из мраморной говядины, на который я потратила почти четыре тысячи, превратился из мечты гурмана в унылый кусок остывшего жира. Вино в бутылке, куплен-

ное по акции еще к прошлому Новому году, так и осталось запечатанным. Праздник, тщательно собранный мной по куточкам, рассыпался, не начавшись.

Когда часы пробили одиннадцать, я поняла. Просто поняла, без истерики и слез. Он не в пробке. Он не ищет цветы. Он просто не пришел. Забыл.

И вот теперь он здесь.

Шаги. Тяжелые, чуть шаркающие. Он вошел на кухню, не включая свет в коридоре, и на секунду замер на пороге, его силуэт чернел на фоне тусклого света из окна.

— Ты не спишь? — его голос был бодрым, даже каким-то возбужденным. Слишком бодрым для полуночи.

Я молчала.

Он щелкнул выключателем. Резкий свет ударил по глазам, заставив зажмуриться. Когда я снова смогла видеть, он уже стоял посреди кухни, стягивая с шеи свой дурацкий клетчатый шарф. Лысина блестела под лампой. Глаза, в которых не было ни капли вины, тоже блестели.

И тут я это почувствовала. Аромат.

Не его привычный парфюм с нотами табака и сандала. Не запах улицы и мокрого асфальта. Это был чужой, совершенно чужой запах. Приторно-сладкий, наглый, как перезревший персик, смешанный с дешевой ванилью. Такой парфюм носят очень молодые девушки, которые хотят казаться старше и соблазнительнее. Запах, который кричал о себе, заполняя собой все пространство, въедаясь в обивку стульев, в

скатерть, в мою кожу.

Он проследил за моим взглядом, который уперся в его рубашку, и только тогда, кажется, заметил накрытый стол.

— Ох, черт... — он не хлопнул себя по лбу, нет, это было бы слишком просто, слишком по-человечески. Он изящно, одним пальцем, коснулся своего виска, словно отгоняя назойливую мысль. — Точно. Анжела... Двадцатка. Совсем из головы вылетело, представляешь? Замотался.

Он улыбнулся. Виноватой, обезоруживающей улыбкой, которую оттачивал годами. Улыбкой, которая раньше действовала на меня безотказно. Но сейчас, в свете кухонной лампы, под аккомпанемент этого липкого парфюма, она выглядела фальшивой, как елочная игрушка.

Я продолжала молчать. Слова застряли в горле колючим комом. Что я могла сказать? «Как ты мог?» Глупо. «Я ждала тебя?» Унизительно.

Мое молчание, кажется, начало его раздражать. Улыбка сползла с его губ. Он бросил шарф на спинку стула и прошел к холодильнику.

— Ну что ты опять с этим кислым лицом? Вечно ты со своими датами, Анжела. Со своим этим бытом... Душишь меня, понимаешь? Просто душишь. Я же не бухгалтер, не чиновник, я не могу жить по календарю! Я художник!

Он произнес это слово — «художник» — с таким пафосом, будто оно давало ему индульгенцию на все. На забывчивость. На наплевательство. На чужой приторный запах на

его одежде.

Он достал из холодильника бутылку минералки, жадно отпил прямо из горла. Его кадык нервно дернулся. Тот самый кадык, который так трогательно прыгал двадцать лет назад в зале ЗАГСа.

— У меня сегодня был сложнейший съемочный день. Вдохновение, понимаешь? Поток! Я не мог просто все бросить и бежать домой, потому что на календаре какая-то цифра. Это так... мещанство.

Мещанство. Слово хлестнуло, как пощечина. Значит, помнить дату своей свадьбы — это мещанство. Готовить праздничный ужин — мещанство. Ждать мужа домой — мещанство. А что же тогда не мещанство? Возвращаться за полночь, пахнув другой женщиной?

Он, кажется, почувствовал, что перегнул палку. Поставил бутылку на стол, подошел ближе.

— Лан, не дуйся, — он попытался обнять меня за плечи, но я инстинктивно, всем телом, подалась назад. Его руки застыли в воздухе. — Ну, хочешь, завтра в «Старый парк» сходим? Отметим.

Завтра. Не сегодня. Сегодняшний день, двадцать четвертое ноября, обведенное в календаре красным сердечком, уже почти закончился. Его уже не вернуть. И этот дорогой, ставший теперь отвратительным стейк — тоже.

— Я устал, Анжела, — вдруг сказал он, и в его голосе прорезались нотки вселенской скорби. Он отошел к окну, кар-

тинно прислонился лбом к холодному стеклу. — Устал притворяться, что меня все устраивает. Эта рутина... эти борщи, эта твоя стабильность... Это же болото! Я в нем вязну, я задыхаюсь!

Он развернулся. Взгляд его был трагичен, как у Пьеро. Он явно наслаждался своей ролью страдальца.

— Ты хорошая. Правильная. Удобная. С тобой надежно, как в танке. Но я не могу так больше. Я умираю как творец.

Молчание в ответ становилось невыносимым, и я, сама того не желая, наконец подала голос. Он прозвучал хрипло и чужеродно.

— Что ты хочешь сказать, Лёня?

Он ждал этого вопроса. Он весь подобрался, расправил плечи. Это был его выход. Его бенефис.

— Я хочу сказать, — он сделал паузу, смакуя момент. — Что я встретил другую.

Мир не рухнул. Потолок не обвалился мне на голову. Просто все звуки разом выключились. Я слышала только гул в ушах, ровный, как линия на кардиограмме остановившегося сердца.

— Женщину, — продолжал он, входя во вкус, — которая меня понимает. Которая дышит со мной одним воздухом. Она — моя муза. Моё вдохновение. Понимаешь? Вдох-но-ве-ни-е! Я снова живой рядом с ней! Я снова могу творить!

Он не назвал ее имени. И это было хуже всего. Он говорил

о ней не как о реальном человеке из плоти и крови, а как о некоем божестве, сошедшем с небес, чтобы спасти его, гения, от меня — скучной, приземленной, удобной жены-функции.

Я смотрела на него, на этого сорокатрехлетнего мужчину с начинающейся лысиной, с небольшим пивным животиком, который он безуспешно пытался втягивать, и не узнавала его. Это был не мой Лёнька, не тот парень, что нес меня на руках из ЗАГСа. Это был чужой, напыщенный, жестокий человек.

Мой взгляд скользнул по столу. Вот он, мой сегодняшний вечер. Мой праздник. Уродливый кусок серого мяса в луже застывшего жира. Бутылка вина, похожая на надгробие. Два пустых бокала. А рядом — грязная чашка с коричневым ободком от утреннего кофе, которую он не удосужился убрать за собой.

Эта чашка вдруг стала центром вселенной. Символом всей нашей двадцатилетней жизни. Я всегда шла за ним и убирала. Его разбросанные носки, его грязные чашки, его плохое настроение, его творческие кризисы. Я была тем самым бытом, который он так презирал, и тем самым бытом, который делал его жизнь комфортной.

— Ты... ты что-то скажешь? — его голос вырвал меня из оцепенения. Он смотрел на меня с нетерпением, почти с любопытством. Ждал. Ждал скандала, криков, слёз, битья посуды. Ему нужна была эта сцена. Она бы подтвердила его правоту, его теорию о «душном мещанстве».

Но я не могла.

Внутри была выжженная пустыня. Ледяная, звенящая пустота. Словно что-то оборвалось. Та самая тонкая ниточка, на которой все держалось. Моя вера. Моя привычка любить. Мое умение прощать.

Я медленно подняла на него глаза. Наверное, в них было что-то такое, отчего он попятился.

— Анжела?

Я молчала.

Он постоял еще с минуту, ожидая. Потом нервно хмыкнул, пожал плечами, будто говоря: «Ну и как с тобой разговаривать?». Развернулся и ушел в спальню.

Я осталась сидеть за столом, на котором застыл так и не состоявшийся праздник. Через несколько минут из спальни донесся звук открываемого шкафа, а потом — тихий, едва слышный скрип кровати.

Он лег спать. В нашу постель. В день нашей двадцатой годовщины. После того, как признался в измене.

Просто лег спать.

Глава 3. Знакомство поневоле

На кухонном столе застыл уродливый натюрморт. Два бокала, так и не дождавшиеся вина. Бутылка «Кьянти», похожая на маленький траурныйobelisk. И в центре — стейк. Он больше не выглядел аппетитно. За ночь кусок дорогого мяса превратился в серое, безжизненное нечто, плавающее в мутной лужице застывшего жира. Памятник моему несостоявшемуся празднику. Памятник двадцати годам, которые закончились вчера, в одиннадцать вечера, под аккомпанемент равнодушных щелчков настенных часов.

Я стояла посреди кухни, уже одетая для работы, в строгом синем костюме, который вдруг стал казаться чужим, карнавальным. Я не спала. Я проваливалась в липкое, тяжелое забытие, а потом снова выныривала в реальность, где в ушах стоял гул, а в груди зияла ледяная дыра. Каждое пробуждение было хуже предыдущего. Сначала приходило осознание: «Он не забыл. Он предал». А следом, волной тошноты, накатывало воспоминание о запахе. Дешевый, приторный парфюм, въевшийся в его одежду, в обивку стульев, в мою кожу. Запах другой женщины.

Я смотрела на остывший ужин, и странная мысль пришла мне в голову. Дело было не в том, *что* он сделал. А в том, *как* он это сделал. Буднично. Без надрыва. Словно вынес мусор или переключил надоевший телеканал. Он не мучился,

не страдал. Он просто пришел и сообщил, что его прежняя жизнь — то есть я — закончилась.

— Доброе утро! — раздался за спиной бодрый голос.

Я не вздрогнула. Я просто застыла, как мышь под взглядом удава.

Леонид вошел на кухню. Он был свеж, выбрит и полон энергии. На нем были его лучшие «творческие» джинсы и кашемировый джемпер, который я подарила ему на прошлый день рождения. Он не посмотрел на стол, на этот убогий алтарь нашего мертвого брака. Он скользнул по мне быстрым, оценивающим взглядом и прошел к кофемашине.

Машина заурчала, наполняя кухню ароматом свежесваренного эспresso. Этот запах, такой привычный, домашний, смешался с призрачным тошнотворным духом чужих духов, и у меня к горлу подкатил ком.

— Слушай, ты мой синий шарф не видела? — спросил он, помешивая сахар в крошечной чашке. — Тот, который клетчатый. Я без него как без рук, образ неполный.

Образ. Он сказал «образ». Вчера он разрушил мою жизнь, а сегодня его волновал «образ».

Я молчала. Я повернулась к нему и просто смотрела. Наверное, вид у меня был не очень. Опухшее лицо, глаза, в которых, должно быть, застыло что-то страшное, потому что его собственная улыбка на мгновение дрогнула. Но он тут же взял себя в руки.

— Анжела, ну что ты опять молчишь? — в его голосе про-

резались знакомые раздраженные нотки. — Я же вчера всё объяснил. Мы взрослые люди. Надо жить дальше, а не превращать дом в склеп.

Жить дальше. Это он так называл происходящее. Он сломал, растоптал, сжег дотла всё, что у нас было, и теперь предлагал мне «жить дальше».

— Я думал, ты интеллигентная женщина, — продолжал он, отхлебывая кофе. — Думал, мы сможем разойтись цивилизованно. Без этих вот кислых мин и молчаливых упреков. Это выматывает. Это убивает во мне художника.

Художник. Он снова достал из кармана это слово, как козырную карту. Индугенцию на любую подлость.

— Ты пойми, — он поставил чашку и подошел ко мне почти вплотную. Я инстинктивно сделала шаг назад. — То, что между нами было, — это было. Спасибо за всё. Но это прошло. Я не могу больше жить во лжи. Я встретил... родственную душу. Музу. Это другое. Это химия, это полет! Я снова дышу, понимаешь?

Он говорил это, глядя мне в глаза. Говорил с упоением, с пафосом, словно читал монолог со сцены. Он не просто сообщал мне о своей новой жизни, он хвастался ею. Он упивался своей «новой любовью», своей «химией», и ждал, что я... Что? Пойму? Посочувствую? Поаплодирую его счастью?

— Я даже благодарен тебе, — выдал он, окончательно входя в раж. — Твоя вот эта... приземленность, твоя стабильность... они меня закалили. Я понял, от чего мне нужно бе-

жать. Я понял, что такое настоящее чувство, только на контрасте с нашей привычкой. Так что, можно сказать, ты тоже внесла свой вклад.

Вклад. Я внесла вклад в то, что он нашел себе другую. Это было уже за гранью. Это было чудовищно.

Я молча развернулась и пошла в прихожую. Я двигалась как во сне, на ватных ногах. Каждое движение давалось с трудом. Надеть пальто. Найти в сумке ключи.

— Ты на работу? — крикнул он мне в спину. — Слушай, раз уж ты всё равно уходишь, захвати мусор. Пакет у двери стоит.

Я остановилась, сжимая в руке холодную металлическую связку ключей. Он даже сейчас, в этот момент, не мог удержаться от того, чтобы не использовать меня. Как прислугу, как удобную функцию, которая должна захватить мусор.

Не оборачиваясь, я вышла в коридор и потянулась к ручке входной двери. И тут, поддавшись какому-то болезненно-му, иррациональному импульсу, я достала телефон. Я хотела удалить его номер. Стереть его из своей жизни, начиная с малого.

Мой палец завис над иконкой телефонной книги. А потом дернулся и нажал на другой значок. Сине-белый, запретный. Соцсеть, в которой он «работал». Я не заходила на его страницу несколько месяцев. «Это для клиентов, Анжи, тебе там будет скучно», — говорил он.

Страница загрузилась мгновенно. И первое, что я увиде-

ла, ударило по мне, как наотмашь брошенный камень.

Новый пост. Опубликован три часа назад.

На фото был он, Леонид. Он сидел в каком-то модном кафе с приглушенным светом. Он смотрел не в камеру. Он смотрел на девушку, которая сидела рядом. Смотрел с таким обожанием, с такой собачьей преданностью, с какой не смотрел на меня, кажется, никогда. Даже двадцать лет назад. Его рука лежала на её руке. А она... она смеялась, запрокинув голову. Молодая, яркая, с копной иссиня-черных волос и хищно-алой помадой на губах.

Подпись под фото была короткой, но от её пошлой патетики у меня свело зубы.

«Наконец-то нашел свою Музу. Теперь можно творить!»

Я смотрела на это фото, и воздух отказывался поступать в легкие. Вот она. Его муза. Его вдохновение. Та, ради которой он вчера перешагнул через двадцать лет нашей жизни. Я вглядывалась в её лицо, пытаюсь понять, что же в ней такого особенного. Красивая. Дерзкая. Очень юная. Её лицо показалось мне смутно знакомым. Словно я видела её где-то раньше.

Я увеличила снимок. И в этот момент мой мир, который вчера просто треснул, рассыпался на миллион осколков.

Это была она.

Лидия.

Та самая несостоявшаяся невеста. Девочка, которая месяц назад рыдала у меня в кабинете, вцепившись в мокрую

от слез фату. Жених сбежал прямо перед регистрацией. Она сидела напротив меня, размазывая по лицу дорогую тушь, и лепетала: «Как он мог? Я же его любила... Я не знаю, как теперь жить...».

Я поила её водой из пластикового стаканчика. Я говорила ей какие-то банальные, но, как мне казалось, нужные слова. «Всё наладится, вы еще встретите своё счастье. Вы такая молодая, красивая».

А Леонид... он был там. Его наняли снимать их свадьбу. Он стоял у окна, сочувственно качал головой и цокал языком. «Вот подлец, а, — сказал он тогда. — Такую девочку обидеть». Он даже предложил подвезти её домой. «Негоже принцессе в таком состоянии одной по городу мотаться», — сказал он с рыцарской галантностью.

Принцесса. Муза.

Меня накрыло. Это была не боль. Это была не обида. Это была волна омерзения, такая сильная, что меня качнуло, и я схватилась рукой за стену.

Он не просто изменил мне. Он нашел любовницу у меня на работе. Он утешал её вместе со мной. Он разыгрывал этот спектакль, этот фарс, глядя мне прямо в глаза. Вся эта история с «творческим кризисом», с «поисками вдохновения» — всё было ложью. Пошлой, грязной, унижительной ложью. Он просто ухлестывал за молодой девицей, используя свою профессию и моё сочувствие как прикрытие.

Я услышала, как в кухне Леонид запел. Фальшиво, в ноты

не попадал, но очень жизнерадостно.

В этот момент что-то внутри меня щелкнуло. Словно переключили тумблер. Боль никуда не делась, она сжалась в тугую, раскаленный комок где-то в солнечном сплетении. Но поверх неё, как ледяная корка,росло что-то другое. Холодное. Твердое. Злое.

Я медленно, очень медленно, убрала телефон в карман. Повернула ключ в замке. Дверь открылась. Я шагнула на лестничную площадку. И так же медленно закрыла дверь за собой. Щелчок замка прозвучал оглушительно в утренней тишине подъезда.

Я не побежала вниз по лестнице. Я осталась стоять, приклонившись спиной к шершавой, выкрашенной в ядовито-зеленый цвет стене. Воздух здесь, пахнувший кошками, сыростью и вчерашними шами, показался мне целебным. Он был честным. В нем не было фальши.

Я закрыла глаза. Я видела перед собой не темноту, а лицо Лидии, искаженное плачем, и участливое лицо моего мужа рядом. Моя последняя слеза, горячая и злая, скатилась по щеке и застыла на губах. Я слизнула её соленую влагу.

Всё. Слез больше не будет.

Я выпрямилась. Посмотрела на свою руку, всё ещё бессознательно сжимавшую ручку сумки. Внутри, в этой сумке, была моя жизнь — кошелек, паспорт, рабочие документы, помада. А внутри меня, на выжженном поле моего вчерашнего мира, прорастал крошечный, но очень ядовитый ро-

сток. Это была ярость.

Я не знала, что буду делать. Я не знала, как буду жить. Но я знала одно. Я больше не жертва.

«Что ж, — прошептала я в затхлый воздух подъезда. — Посмотрим».

Это было обещание. И я собиралась его сдержать.

Глава 4. Вторжение

Всё ложь.

Эта мысль, короткая и острая, как осколок стекла, весь день не выходила у меня из головы. Она сидела под кожей, зудела, мешала дышать.

Я сидела за своим рабочим столом, массивным, из темного дерева, и механически ставила подписи на свидетельствах о браке. Ровные, каллиграфические буквы, выведенные бордовыми чернилами, складывались в слова «...объявляются мужем и женой». Ложь.

За окном моросил мелкий ноябрьский дождь. Небо было цвета мокрого асфальта, и от этого казенный позолоченный герб на стене моего кабинета казался еще более фальшивым.

Сегодня ко мне приходила пара, совсем молодые, лет по девятнадцать. Они держались за руки так крепко, словно боялись, что кто-то из них сейчас растворится в воздухе. Девочка смотрела на своего мальчика огромными, полными обожания глазами, а он теребил манжету пиджака и краснел до кончиков ушей. Они были так искренни в своем счастье, так трогательно неуклюжи, что мне захотелось закричать.

Я произносила для них речь номер семь. «О двух половинках». Ту самую. А в голове, как заевшая пластинка, крутились не слова о любви, а образ из утренней ленты новостей. Мой муж. И Лидия. Её запрокинутая в смехе голова,

его рука на её руке. И подпись. «Наконец-то нашел свою Музу».

Муза.

Я вспомнила эту «музу» месяц назад, здесь же, в этом кабинете. Она сидела на стуле для посетителей, вцепившись в мокрую от слез фату, и повторяла одно и то же: «Как он мог? Я же его любила...». А мой муж, Леонид, стоял у окна, сочувственно цокал языком и предлагал «принцессе» свою рыцарскую помощь.

Всё было ложью. Его сочувствие. Её слёзы. Мои двадцать лет брака.

— Анжела Викторовна, вы нас слышите?

Я вздрогнула и подняла глаза. Передо мной стояла та самая юная невеста.

— Простите, — улыбнулась я ей своей профессиональной улыбкой номер три («благодарная и скромная»). — Задумалась. Вот, держите. Совет вам да любовь.

Они ушли, оставив после себя шлейф из цветочного парфюма и наивной веры в «долго и счастливо». А я осталась.

Рабочий день подходил к концу. Коллеги собирались по домам, в воздухе пахло остывшим кофе и усталостью. Обычно я задерживалась, чтобы в тишине закончить все дела. Но сегодня тишина давила. Она была наполнена не покоем, а гулкой пустотой, которая поселилась у меня внутри.

Я не могла больше здесь находиться. Я не могла ехать домой, в нашу квартиру, где всё напоминало о нём, о нас. Но

куда еще мне было идти?

Внезапно я поняла, что должна. Должна поехать. Не для того, чтобы плакать или скандалить. А для того, чтобы посмотреть ему в глаза. В глаза человеку, который играл эту отвратительную пьесу, используя меня как декорацию. Я должна была это закончить. Не завтра, не через неделю. Сегодня.

Я быстро собрала вещи в сумку, накинула пальто и, не прощаясь, вышла из ЗАГСа.

Холодный, влажный воздух ударил в лицо. Я поёжилась и ускорила шаг к автобусной остановке. Я не хотела думать, что я скажу. Слова придут сами. Взрослые, цивилизованные люди должны уметь расставаться без грязи. Я просто сообщу ему, что всё знаю. Что я подаю на развод. И что он может быть свободен со своей «музой».

Весь путь в дребезжащем, набитом людьми автобусе я смотрела в запотевшее окно и не видела ничего. Я была в коконе из своей холодной, звенящей решимости.

Подъезд встретил меня знакомым запахом сырости и кошачьей мочи. Лестница. Мой этаж. Моя дверь. Рука с ключом на мгновение замерла. Я прислушалась. За дверью было тихо. Слишком тихо.

Я вставила ключ в замок. Он повернулся мягко, привычно. Щелчок. Я толкнула дверь.

И замерла на пороге.

В квартире было темно, но это была не та темнота, к которой я привыкла. В воздухе висело что-то чужое. Что-то

неправильное.

Запах.

Тот самый. Приторно-сладкий, дешевый, как ароматизатор для машины. Запах перезрелых персиков и липкой ванили. Только теперь он был не просто призрачным шлейфом на одежде мужа. Он был здесь хозяином. Он въелся в обои, в обивку старого пуфика, в сам воздух моей прихожей.

Мой взгляд скользнул по полу. И наткнулся на них.

У стены, там, где обычно стояли только мои и Лёнькины ботинки, притаилась чужая пара. Ярко-салатовые кроссовки с непропорционально толстой белой подошвой. Уродливые, кричащие, вызывающие.

А рядом с ними, словно бездомный котенок, прижался к стене небольшой розовый чемодан на колесиках. Потертый, из дешевого пластика, с мультяшной наклейкой у ручки.

Кровь отхлынула от лица. В ушах зашумело. Догадка, которая до этого казалась слишком дикой, слишком абсурдной, чтобы быть правдой, вдруг обрела форму. Форму этих салатовых кроссовок и розового чемодана.

Я шагнула внутрь, как в воду. Ноги были ватными, непослушными. Не снимая пальто, я прошла в гостиную.

И увидела её.

Она сидела на нашем диване. На том самом месте, где я любила сидеть вечерами, поджав под себя ноги. Она сидела, закинув ногу на ногу, и лениво листала журнал. На ней были короткие джинсовые шорты и яркая майка, несмотря на

ноябрь за окном.

Она услышала мои шаги и подняла голову. Её губы, хищно-алые, как на том фото, изогнулись в ленивой, снисходительной улыбке. Она не вскочила. Не смутилась. Она смотрела на меня так, как смотрят на незваного гостя, нарушившего покой. С любопытством и легким раздражением.

В её руке была чашка. Моя чашка. Та, которую я привезла из Суздаля. Пузатая, из синей глины, с забавным белым гусем. Я пила из нее чай только по особым случаям, когда хотелось уюта.

Лидия сделала глоток, отставила чашку на журнальный столик и сказала, растягивая слова:

— О. А вы рано.

Меня накрыло волной тошноты. Физической, подступающей к горлу. Это было уже не предательство. Это было осквернение. Они притащили свою грязь в мой дом, в мою жизнь, в мою любимую чашку. Я чувствовала себя так, словно меня заставили копаться в мусорном баке.

Я не могла говорить. Я просто смотрела на нее, а в голове билась одна мысль: «Убирайся. Убирайся из моего дома. Убирайся из моей жизни».

В этот момент в коридоре щелкнул выключатель в ванной, и через пару мгновений оттуда, насвистывая какую-то пошлую мелодию, вышел Леонид. Он был обернут в полотенце, волосы мокрые, на лице — расслабленная, довольная улыбка.

Он увидел меня, и улыбка на мгновение дрогнула. Но лишь на мгновение. Он тут же взял себя в руки, его лицо приняло деловое, слегка озабоченное выражение.

— А, Анжи, ты уже здесь, — сказал он бодро, словно мы не виделись пару часов. — Отлично. А то я как раз хотел тебе звонить.

Он прошел в гостиную, встал рядом с диваном, покровительственно положив руку на плечо Лидии. Она тут же прижалась к нему, как кошка.

— Мы тут посоветовались и решили, — продолжил он, и тон его не допускал возражений. — Лидочке пока совершенно негде жить. Сама понимаешь, после такого стресса с этой сорвавшейся свадьбой... Ей нужна поддержка. А съемное жильё — это нервы, деньги, чужие люди.

Я молчала. Я смотрела на этого чужого, напыщенного мужчину с начинающим пробиваться животиком, и не узнавала его.

— Квартира у нас большая, — он обвел рукой комнату. — Места всем хватит. Ты же у меня интеллигентная, понимающая женщина. Не выгонишь же ты нас на улицу? В общем, проживем пока все вместе. Временно, конечно. А я пока гараж попробую продать, или еще что-нибудь придумаем. Войди в положение.

Войди в положение.

Эти слова стали последней каплей. Они прозвучали как пощечина. Он не просил. Он не извинялся. Он ставил меня

перед фактом. Он требовал, чтобы я... что? Улыбнулась, подвинулась и освободила место для его «музы»? Чтобы я обслуживала их обоих, готовила им ужины и стирала их белье?

Я посмотрела на него. Потом на нее. На её самодовольную ухмылку. На его голую, влажную грудь. На её босые ноги на моем ковре.

И в этот момент весь утренний шок, вся боль, вся обида сжались в один тугой, раскаленный комок где-то в солнечном сплетении. А поверх, как ледяная корка,росло что-то другое. Холодное. Твердое. Злое.

Брезгливость.

Я больше не чувствовала боли. Я чувствовала только омерзение. Физиологическое, непреодолимое желание немедленно вымыть руки, принять душ, сжечь одежду, в которой я стояла. Сбежать из этого воздуха, пропитанного их ложью, их потом, их липким, тошнотворным парфюмом.

Не сказав ни слова, я развернулась.

— Эй, ты куда? — крикнул мне в спину Леонид. — Я с тобой разговариваю!

Я его не слышала. Я шла в спальню, нашу спальню, и каждый шаг давался с трудом, словно я пробиралась через вязкое болото.

Я распахнула дверцу шкафа. На полках — мои вещи, аккуратно сложенные стопками. Его — набросанные как попало. Я схватила с антресолей старую дорожную сумку, бросила ее на кровать и начала сгребать в нее свое.

Движения были резкими, механическими. Я не думала. Я действовала. Свитер. Джинсы. Белье. Зубная щетка. Паспорт и документы из ящика комода. Косметичка. Зарядка для телефона. Я не брала ничего лишнего, ничего, что вызывало бы воспоминания. Только то, что нужно для выживания.

Из гостиной доносились их голоса. Сначала удивленный лепет Лидии, потом — раздраженный бас Леонида. Он, кажется, что-то кричал о моей неблагодарности и истеричности.

Я застегнула молнию на сумке. Она была тяжелой. Я окинула взглядом комнату. Наша кровать, застеленная покрывалом, которое я вязала три месяца. Фотография на стене — мы, молодые, на море. Его гитара в углу.

Ничего. Я не чувствовала ничего. Ни жалости, ни ностальгии. Словно смотрела на кадр из чужого, неинтересного фильма.

С сумкой в одной руке и пальто, перекинутым через другую, я вышла в прихожую.

Они стояли там, преграждая мне путь. Леонид уже натянул джинсы и футболку. Лицо его было багровым от злости.

— Ты что устроила? — прошипел он. — Что за цирк? Решила меня напугать? Куда ты собралась на ночь глядя?

Я молча обошла его. Подошла к тумбочке, на которой лежала связка ключей. Нашла на ней маленький, от нашей квартиры. Движения пальцев были немного скованными, но я справилась. Я сняла его с кольца.

— Анжела, я не шучу! — его голос сорвался на визг. — А ну-ка положила ключ на место! Ты никуда не пойдешь!

Я повернулась к нему. Посмотрела ему прямо в глаза — в эти блестящие, злые, ничего не понимающие глаза.

Потом мой взгляд скользнул на Лидию, которая испуганно жалась к его плечу.

Я протянула руку и положила ключ на полированную поверхность тумбочки. Он звякнул. Тихо, но в наступившей тишине этот звук прозвучал как выстрел.

— Стресс, Лёня, — тихо сказала я, и мой собственный голос показался мне чужим, — это когда ты просыпаешься с чужим человеком.

Я надела пальто, подхватила сумку.

— За коммуналку заплатишь сам. И за «музу» свою — тоже.

— Да кому ты нужна в сорок лет! — выкрикнул он мне в спину, теряя последнюю маску интеллигента. — Помыкаешься и приползешь! Я ждать не буду!

Я дошла до двери, повернула ручку.

— Я тоже не буду ждать, Лёня, — прошептала я уже в пустоту лестничной площадки. — Я буду жить.

Я закрыла дверь с той стороны.

Глава 5. Бабушкина берлога

«Войди в положение».

Эта фраза, брошенная Леонидом с такой легкой, почти небрежной жестокостью, прилипла ко мне, как смола. Она стучала в висках, пока я, спотыкаясь, спускалась по лестнице. Она эхом отдавалась в гулкой тишине подъезда, который еще секунду назад был моим. Теперь он стал чужим, враждебным. Я чувствовала на спине взгляды соседей из-за закрытых дверей, слышала их любопытное молчание.

Тяжелая сумка, в которую я в панике сгребла обрывки своей жизни, оттягивала плечо. Джинсы, два свитера, белье, зубная щетка, паспорт. Что еще? Я не помнила. Казалось, я несу в ней не вещи, а сами двадцать лет своего брака — тяжелые, громоздкие, бесполезные.

Ноябрьский ветер на улице был ледяным. Он проникал под тонкое пальто, заставляя ежиться, но я почти не чувствовала холода. Внутри всё заледенело настолько, что внешний мороз казался почти теплым. Я остановилась посреди тротуара. Фонарь выхватывал из темноты мокрый, блестящий асфальт и кружащиеся в его свете одинокие снежинки-первопроходцы. Они таяли, не долетев до земли. Как и мои надежды.

Куда?

Вопрос был не просто географическим. Он был экзистен-

циальным. Куда идет сорокалетняя женщина, которую только что, вежливо улыбаясь, выставили из собственного дома, чтобы освободить место для юной «музы»? К Вайноне? Нет. Не сейчас. Я не могла, не хотела плакать у нее на плече, слушать правильные слова поддержки и видеть в ее глазах жалость. К маме? Еще хуже. Это означало бы признать полный, безоговорочный крах, выслушать лекцию о том, что «все мужики такие» и «надо было быть мудрее».

Огни города расплывались перед глазами. В окнах многоэтажек горел теплый, уютный свет. Там люди ужинали, смотрели телевизор, ругали детей за невыученные уроки, любили друг друга или просто терпели. Они жили. А я стояла на обочине их жизни, выброшенная, как ненужная вещь.

И тут в памяти всплыл адрес. Единственный адрес в этом городе, который принадлежал только мне. Безраздельно. Адрес, который был одновременно и якорем, и камнем на шее. Бабушкина квартира.

Я подняла руку, останавливая проезжающее такси. Машина вильнула и затормозила рядом.

— Куда, красавица? — бодро спросил водитель, пожилой усатый мужчина.

Я назвала улицу, стараясь, чтобы голос не дрожал. Всю дорогу я смотрела в боковое стекло, на свое отражение, наложенное на проплывающие мимо витрины. Из темноты на

меня смотрела бледная, незнакомая женщина с огромными, пустыми глазами. В динамиках играла какая-то пошлая, веселая песенка про любовь до гроба. Водитель тихонько подпевал. Я вжалась в сиденье, мечтая стать невидимой.

Машина остановилась у серой, обшарпанной пятиэтажки. «Хрущевка», каких тысячи. Я расплатилась, вытащила свою неподъемную сумку и осталась стоять, глядя на темные окна на четвертом этаже. Мои окна.

Подъезд встретил меня волной запахов, ударивших в нос с неожиданной силой. Смесь сырости, кислой капусты, кошачьей мочи и чего-то еще, неуловимого, — запаха бедности и забвения. Тусклая лампочка под потолком мигала, как в фильме ужасов, бросая на стены с облупившейся ядовито-зеленой краской дрожащие тени.

Я начала подъем. Каждый шаг давался с трудом. Сумка билась о перила, гулко стучала по ступенькам. Первый этаж. Второй. Дыхание сбилось. Третий. Сердце колотилось где-то в горле. Четвертый. Вот она. Дверь, обитая потрескавшимся коричневым дерматином, с криво прибитым номером «16».

В связке нашелся маленький, почти игрушечный ключ. Я не держала его в руках, кажется, целую вечность. Он не сразу вошел в замочную скважину. Пришлось повозиться. Наконец, он поддался. Я повернула его. Раздался громкий, ржавый скрежет, похожий на стон. Словно я потревожила что-то давно умершее.

Я толкнула дверь.

В лицо ударил холодный, спертый воздух. Воздух, который не менялся годами. Он пах пылью, нафталином, старыми книгами и еще чем-то — едва уловимым ароматом бабушкиных духов «Красная Москва», въевшимся в обои, в мебель, в саму душу этого места.

Нащупав на стене выключатель, я щелкнула. Под потолком загорелась одинокая, тусклая лампочка в пыльном плафоне. Свет был желтым, больничным. Он вырвал из темноты унылое зрелище. Мебель — старый шкаф, комод, круглый стол — стояла под белыми саванами простыней. Как призраки из прошлой жизни.

Не снимая пальто, я прошла в комнату. Мои шаги гулко отдавались в звенящей тишине. И тут я его услышала.

Кап.

Пауза.

Кап.

Монотонный, сводящий с ума звук доносился из кухни. Капающий кран. Тот самый, который Леонид обещал починить «на этих выходных». Три года назад. «Анжи, ну что ты паникуешь? Руки не доходят, творческий процесс, сама понимаешь. Починю!»

Я прошла на кухню. Крошечное, убогое пространство. В раковине, покрытой ржавыми потеками, методично падала капля. Кап. Кап. Кап. Это был пульс этого мертвого дома. Пульс его пустых обещаний. На стене висел отрывной календарь. На листке застыла дата — 12 мая 2018 года. День, ко-

гда бабушки не стало. Три с половиной года. Мы собирались сделать здесь ремонт. «Отличное вложение, Анжи, — говорил Леонид. — Сдавать будем, пассивный доход!» Мы даже один раз съездили, выбрали обои. Они так и лежали, свернутые в рулон, за шкафом.

Я вернулась в комнату. Взгляд скользнул по стенам. Пожелтевшие обои в мелкий, выцветший цветочек. В углу, на подоконнике, стоял горшок с иссохшим трупиком алоэ. Я смотрела на все это, и перед глазами вставала другая картина. Наша квартира. Вылизанная до блеска. С бежевыми стенами, картинами, которые Леонид считал «концептуальными». С уютным диваном, мягким ковром. С запахом свежесваренного кофе и его дорогого парфюма.

Там, в той жизни, тоже была кухня. Но там на столе стояла ваза с цветами, которые я покупала сама, «для настроения». Там была посудомоечная машина, которую мы взяли в кредит. Там было чисто. И там сейчас сидела она. Лидия. Наверное, она смеялась, закинув ногу на ногу. Возможно, даже в моей домашней одежде.

Волна тошноты подкатила к горлу.

Сумка выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на пол. Звук показался оглушительным.

Я подошла к дивану. Протянула руку и медленно, словно совершая ритуал, стянула с него пыльную простыню. Облако пыли взметнулось в воздух, затанцевало в слабом свете лампочки. Диван был покрыт старым, вытертым плюшем

неопределенного цвета.

Я села. Пружины протестующе скрипнули.

Тишина. Только — кап... кап... кап...

И в этой тишине, под этот методичный стук, моя броня, моя выдержка, моя напускная холодная ярость — всё, что держало меня на плаву последние сутки, — треснуло. И рассыпалось на миллион осколков.

Я закрыла лицо руками. Плечи затряслись. Но это были не слезы. Это было что-то другое, более глубокое. Беззвучные, судорожные рыдания, которые шли откуда-то из самого центра моего существа. Тело, которое так долго находилось в состоянии шока, наконец сдалось. Оно содрогалось, выталкивая из себя боль, унижение, обиду. Двадцать лет. Я отдала ему двадцать лет своей жизни. Я гладила его рубашки. Я убирала за ним грязные чашки. Я верила в его «гениальность». Я была его тылом, его бытом, его удобной, незаметной функцией. А он просто взял и стер меня, как скучный файл с компьютера.

«Кому ты нужна в сорок лет!»

Его последние слова, брошенные в спину, всплыли в памяти, и новый спазм сжал горло.

Я свернулась калачиком на этом холодном, пыльном, чужом диване. Подтянула колени к груди, как ребенок, который боится темноты. От меня пахло предательством, чужими духами и пылью.

Под монотонный, безжалостный стук капель с кухонного

крана я впервые в жизни поняла, что значит быть одной. Со-
всем одной.

Глава 6. Взгляд из зазеркалья (Леонид)

от лица Леонида

Ключ лежал на полированной поверхности тумбочки, как крошечный, уродливый истукан, которому я только что принес в жертву двадцать лет своей жизни. Мой трофей. Я смотрел на него, и губы сами собой растягивались в хищной, торжествующей усмешке. Всё. Занавес. Пьеса о скучном семейном счастье окончена с оглушительным треском.

Впервые за долгие годы утро встретило меня не тишиной, а абсолютным, звенящим вакуумом. Исчезли все те звуки, которые я ненавидел, но к которым привык, как к хронической боли: тихое шарканье тапочек Анжелы по паркету, деликатное урчание кофемашины, которое она старалась приглушить, чтобы не дай бог не потревожить мой творческий сон. Исчезли запахи: свежесваренного кофе и подгоревших тостов, которые она всегда делала для себя, потому что я считал хлеб «пустыми углеводами».

Я вспомнил другое утро, полгода назад. Тогда я вдребезги разругался с ней из-за денег на новый светосильный объектив. «Лёня, у нас ипотека, — лепетала она, — давай подождем до следующего гонорара». Я орал, что она душит мой талант, что она ничего не понимает в искусстве, что она пре-

вратила мою жизнь в бухгалтерскую книгу. На следующее утро я проснулся от запаха сырников. Она стояла у плиты, маленькая, виноватая, и накрывала на стол, пытаясь искупить свою «приземленность» этим дурацким творогом. Я тогда демонстративно выпил стакан воды и ушел, хлопнув дверью.

Сейчас никто не стоял у плиты. Никто не пытался меня задобрить. Этот вакуум был чистым холстом, на котором отныне буду рисовать только я. Мои правила, моя музыка, моя гениальность.

Я потянулся с хрустом, чувствуя, как с плеч спадает невидимый, но невыносимо тяжелый рюкзак, набитый ее ожиданиями, борщами, разговорами о скидках в супермаркете и вечным, невысказанным вопросом в глазах: «Когда ты уже начнешь зарабатывать стабильно?».

— У тебя есть нормальный кофе? Не та пыль, что в банке.

Голос Лидии, капризный и сонный, вырвал меня из победных грез. Она стояла в дверях спальни, кутаясь в мою концертную футболку «The Rolling Stones», которую я берег как реликвию. Она щурилась, яростно водя пальцем по экрану смартфона.

— Доброе утро, муза, — улыбнулся я, подходя к ней. Я был готов к нежным объятиям, к восторженному шепоту о том, как ей хорошо со мной.

Но она не подняла головы.

— Утро будет добрым после большого латте с карамель-

ным сиропом. На кокосовом молоке. Вот, смотри.

Она ткнула мне в лицо телефоном. На экране светилась глянцевая фотография из инстаграма какой-то фифы: огромный стакан с многослойным напитком, увенчанный шапкой взбитых сливок.

— Вот такой хочу. Из «Urban Brew». И суши. Ролл «Филадельфия» и «Дракон». Я голодная.

Она говорила это тоном человека, который диктует заказ официанту, не сомневаясь, что все будет исполнено. Моя идеальная картина мира, где прекрасная Галатея с обожанием смотрит на своего Пигмалиона, дала первую трещину.

— Может, я попробую сотворить для моей богини что-нибудь сам? — я все еще пытался спасти ситуацию, вернуть ей романтический флер. — Яичницу в форме сердца? Как в тех самых фильмах, которые ты любишь?

Лидия наконец оторвалась от телефона. Она смерила меня долгим, изучающим взглядом, от которого мне стало не по себе.

— Лёнь, не будь клоуном. Какая яичница? Я не для того уходила от своего зануды, чтобы есть на завтрак твою стряпню. Просто закажи, что я прошу. Ты же у нас гений, успешный фотограф. Можешь себе позволить порадовать свою женщину.

Она развернулась и, виляя бедрами, ушла обратно в спальню, оставив меня в гостиной чувствовать себя полным идиотом. Укол раздражения, на этот раз более сильный,

кольноул под ребрами. Успешный фотограф. Если бы она знала, что последний крупный заказ у меня был три месяца назад, а сейчас я перебиваюсь съемками для каталогов местных магазинов одежды...

Но отступить было нельзя. Я открыл приложение доставки. Цены в модном «Urban Brew» были такими, что у меня свело зубы. Один ее завтрак — кофе и два ролла — стоил больше, чем Анжела тратила на продукты для нас двоих за неделю. Я мысленно попрощался с суммой, отложенной на оплату коммуналки, и нажал кнопку «Заказать». Искусство требует жертв. А новая жизнь, очевидно, требовала еще и стартового капитала.

Пока мы ждали курьера, квартира наполнилась звуками. Из спальни, из динамиков моей дорогой аудиосистемы, которую я покупал для прослушивания виниловых пластинок Pink Floyd, полилась музыка. Тупой, качающий, синтетический бит и писклявый женский голосок, повторяющий одну и ту же идиотскую фразу про «хорошие вайбы».

Я сел за ноутбук. Нужно было срочно закончить обработку фотографий для магазина пуховиков. Я надел наушники, включил привычный эмбиент, но долбежка пробивалась даже сквозь него. Басы вибрировали в полу, отдавались в ножках стола, в моем солнечном сплетении. Я смотрел на фотографию модели в безразмерном сиреневом пуховике и не мог подобрать нужный оттенок. Все цвета казались грязными, фальшивыми.

В дверном проеме появилась Лидия. Она пританцовывала, снимая себя на телефон. Надувала губы, посылая в камеру воздушные поцелуи, изгибалась, демонстрируя свою юную, гибкую фигуру. Она была полностью поглощена этим процессом, существуя в своем собственном мире, где я был лишь размытым фоном.

«Это жизнь! — кричал я внутри себя, пытаюсь перекрыть дикое желание вырвать шнур колонок из розетки. — Это энергия, движение, молодость! Не то что унылое молчание Анжелы, ее вечно поджатые губы, когда я включал свою музыку. Слава богу, я свободен от этой темницы вкуса!»

Внезапно мне захотелось поделиться своей свободой. Рассказать кому-то, кто поймет, кто оценит. Я набрал номер Стаса, своего старого приятеля, такого же «свободного художника», перебивающегося случайными заказами.

— Стас, привет! — заорал я в трубку, пытаюсь перекрыть музыку. — Ты не поверишь! Я это сделал!

— Что сделал? — послышался сонный голос.

— Я свободен, мужик! Свободен! Анжела съехала. Всё!

— Да ладно? Серьезно? И как оно? — в голосе Стаса послышалось любопытство.

— Охрененно, брат! Просто охрененно! — я пытался вло-

жить в голос максимум восторга. — Тут... тут такая атмосфера! Настоящий креатив, понимаешь? Музыка, творческий хаос...

— А что за музыка? — спросил Стас. — Опять свой замумный прог-рок слушаешь?

— Нет! Что-то новое, модное! — я замялся, не зная, как описать этот кошмар. — Энергичное!

В этот момент Лидия, все еще танцуя, вошла в гостиную. «Зай, сделай погромче!» — крикнула она.

— Лёнчик, извини, я спать хочу, — сказал Стас. — Ты это, поздравляю, конечно. Звони, как разгребешь свой... креатив.

Он повесил трубку. Я остался стоять с телефоном в руке, чувствуя себя еще более глупо. Разговор не принес облегчения. Вместо зависти в голосе Стаса я услышал только усталость.

Приехал курьер. Мы ели прямо из коробок, сидя на диване. Лидия больше фотографировала еду, чем ела. Она заставила меня держать ролл палочками на фоне своего лица, выстраивала композицию, двигала соусники.

— Идеально, — бормотала она, обрабатывая снимок в телефоне. — Пусть бывшая твоего жениха видит, как я шикарно живу.

После завтрака она оставила на столе липкий, жирный

беспорядок и упорхнула в ванную — «творить образ». Оттуда почти сразу снова загремела музыка.

Я остался один посреди гостиной. Мой взгляд упал на стол. Пустые пластиковые контейнеры, скомканные салфетки, пролитый соевый соус, начинающий засыхать на полировке. И в этот момент, как удар под дых, в голове вспыхнула картина.

Воскресенье. Анжела полдня возится на кухне. Пахнет тушеной капустой и мясом. Она, сосредоточенно нахмурившись, заворачивает фарш в капустные листья, складывает голубцы в большую кастрюлю. Я тогда зашел на кухню, поморщился: «Анжи, ну что за запах? Как в столовой. Нельзя что-то более изысканное приготовить?». Она тогда ничего не ответила, только плечи ее как-то поникли. А вечером, когда я, голодный, вернулся после очередной бессмысленной фотопрогулки, она поставила передо мной тарелку. Голубцы были нежными, сочными, в густом томатном соусе, со сметаной. Я съел три штуки и даже не сказал спасибо.

Меня буквально затопило злостью. Злостью на это воспоминание, на эту въевшуюся в мозг картину. На нее. Какого черта она лезет в мою новую жизнь со своими голубцами?!

Я подошел к столу, сгреб весь мусор в пакет и с силой зашвырнул его в угол. Не буду я это выносить. Я не мусорщик.

Потом я рывком распахнул окно. Ледяной, влажный воздух ударил в лицо. Он смешался с запахом подсыхающего соуса и приторным, химическим ароматом вишневого геля

для душа, который уже сочился из-под двери ванной.

Я смотрел на свое отражение в темном стекле окна. За моей спиной, в мутном отблеске, виднелась комната: разбросанные подушки дивана, пакет с мусором, мой одинокий ноутбук на столе. И я — мужчина средних лет, с начинающей редеть макушкой, растерянно вдыхающий этот странный, чужой воздух.

Я заставил себя улыбнуться своему отражению.

«Так пахнет свобода», — прошептал я.

Улыбка вышла кривой.

Глава 7. Потоп

От запаха пыли и старости першило в горле, но он был честнее, чем приторный аромат чужих духов, которым пропитался мой дом. Мой бывший дом. Этот воздух, спёртый, неподвижный, пахнувший нафталином и тленом, не лгал. Он честно сообщал: здесь давно никто не живет, здесь всё умерло.

Я сидела, сжавшись в комок, на краешке продавленного дивана, укрытого пыльным саваном простыни. Беззвучные рыдания, вывернувшие меня наизнанку, закончились, оставив после себя лишь тупую, ноющую головную боль и ощущение полной опустошенности. Я больше не плакала. Слез не было. Внутри была выжженная, холодная пустыня, по которой гулял сквозняк унижения.

Я чувствовала себя грязной. Не просто уставшей или разбитой, а именно грязной, липкой. Казалось, тошнотворный запах персика и ванили, запах Лидии, въелся не только в стены моей бывшей квартиры, но и в мою собственную кожу, в волосы, под ногти. Он был повсюду. Я ощущала его фантомный шлейф здесь, в этой берлоге, за десятки километров от эпицентра моего личного Чернобыля. Он смешивался с запахом пыли, и от этого коктейля к горлу подкатывала тошнота.

Нужно было это смыть.

Мысль была не рациональной, а инстинктивной, почти животной. Как кошка, которая долго и тщательно вылизывает себя после того, как ее потрогали чужие руки, я чувствовала непреодолимую, физиологическую потребность в воде. В горячей, обжигающей воде, которая смывает с меня остатки его прикосновений, следы ее присутствия, унижение этой ночи. Мне нужно было вернуть себе хотя бы собственное тело. Очистить его. Провести дезинфекцию души, начиная с кожи.

Я поднялась. Ноги были ватными, чужими. Каждый шаг по скрипучим половицам отдавался гулким эхом в тишине, нарушаемой лишь методичным, сводящим с ума стуком капель на кухне. Кап... кап... кап... Пульс этого заброшенного места. Пульс его пустых обещаний. «Починю на выходных, Анжи, не капай на мозги».

Дверь в ванную открылась с протестующим скрипом. Я нащупала на стене выключатель. Желтая, больничная лампочка под потолком нехотя зажглась, выхватив из мрака убожество.

Это был удар под дых.

В нашей, той, квартире ванная была моим святилищем. Вылизанная до блеска белая плитка, зеркало без единого пятнышка, пушистые полотенца, аккуратно расставленные баночки с кремами. Там пахло лавандой и чистотой.

Здесь пахло сыростью и безнадегой.

Кафельная плитка, когда-то голубая, пожелтела от вре-

мени и была покрыта сетью мелких трещин, похожих на морщины на лице старика. Чугунная ванна потемнела, ее эмаль во многих местах скололась, обнажив уродливые черные пятна ржавчины. Зеркало над раковиной потускнело и пошло темными пятнами по краям — «слепота амальгамы», как когда-то умно выразился Леонид, объясняя, почему его не стоит менять. «Это же винтаж, Анжи, ты не понимаешь!».

Я смотрела на свое отражение в этом слепом зеркале и не узнавала себя. Бледная, осунувшаяся женщина с огромными, воспаленными глазами и спутанными волосами. Жалкое зрелище.

Мой взгляд упал на смеситель. Старый, еще советский, с двумя массивными вентилями в форме крестов. Он был покрыт известковым налетом, и из-под крана на раковину стекала тонкая струйка ржавой воды, оставляя грязный след.

Неважно. Всё неважно. Лишь бы была горячая вода.

Я протянула руку и попыталась повернуть правый, красный вентиль. Он не поддался. Прикипел, застыл в своей многолетней неподвижности. Я попробовала еще раз, вложив в это движение всю свою злость, всю обиду. Я дернула его, сжимая холодный, шершавый металл до боли в пальцах.

Раздался отвратительный, скрежещущий визг, от которого заломило зубы. Вентиль поддался. Он провернулся на полоборота, потом еще, и вдруг... с ужасающей легкостью провернулся до конца, оставшись у меня в руке.

Наступила тишина. Секундная, оглушительная, полная

дурного предчувствия.

А потом начался ад.

Из трубы, на месте которой только что был вентиль, с ревом вырвалась тугая, шипящая струя. Это была не вода. Это была кипящая, рыжая жижа, которая с силой ударила в противоположную стену. Ванная комната, крошечная, как пенал, мгновенно наполнилась густым, удушливым паром. Стало нечем дышать.

— Нет... нет, нет, нет! — прошептала я, но мой голос утонул в реве воды.

Паника, холодная и липкая, схватила меня за горло. Я в ужасе смотрела, как кипятки хлещет по стенам, по зеркалу, заливая пол. В нос ударил резкий запах горячего, ржавого металла.

Первым инстинктивным движением я попыталась засунуть вентиль обратно. Струя кипятка ударила по руке. Я вскрикнула от боли и отдернула ладонь, словно от огня. Кожа мгновенно покраснела.

Я металась по крошечному, быстро превращающемуся в парилку пространству, не понимая, что делать. Вода на полу прибывала с пугающей скоростью. Она уже дошла до моих щиколоток, горячая, грязная. Я сейчас затоплю соседей. Старушку с первого этажа, у которой три кошки и астма. Семью с маленьким ребенком на втором.

«Да кому ты нужна в сорок лет! Даже кран починить не можешь!». Голос Леонида, злой и насмешливый, прозвучал

в моей голове так отчетливо, словно он стоял за спиной.

Я бездарность. Неудачница. Сорокалетняя брошенная баба, которая устроила потоп в первый же час своей новой, «свободной» жизни.

И тут, как вспышка молнии в затуманенном паникой мозгу: СТОЯК.

Он должен быть в туалете. Я помнила, как бабушка показывала мне его много лет назад. «Запомни, внученька, если что — крути вот этот».

Я выскочила из ванной, оставляя за собой мокрые следы, и влетела в туалет. В тесном, забитом какими-то коробками пространстве, в самом темном углу, из стены торчали две толстые, покрытые многослойной краской трубы. И на одной из них — массивный, ржавый вентиль, похожий на штурвал затонувшего корабля.

Я вцепилась в него обеими руками. Он был холодным, скользким и абсолютно неподвижным. Словно врос в трубу. Я тянула, дергала, пыталась повернуть. Безрезультатно. Мои руки, ослабевшие от стресса и ожога, соскальзывали.

«Давай! Давай же!» — шептала я, обращаясь не то к вентилю, не то к самой себе.

Собрав последние силы, я навалилась на него всем телом. Уперлась плечом, вложила в это движение всё свое отчаяние. Раздался долгий, мучительный стон, похожий на предсмертный хрип металла. Вентиль, содрогнувшись, поддался. Он сдвинулся на миллиметр. Потом еще на один. С каждым

поворотом движение становилось легче.

Наконец, рев воды в ванной начал стихать. Он перешел в хрип, потом в шипение и, наконец, смолк.

Наступила тишина.

Такая глубокая, такая абсолютная, что в ушах звенело. Единственным звуком, нарушавшим ее, был стук моего сердца, колотившегося где-то в горле, и редкие, тяжелые капли, падающие с потолка в ванной на воду.

Я стояла, прислонившись лбом к холодной, выкрашенной в ядовито-синий цвет стене туалета, и тяжело дышала. Руки дрожали. Тело била мелкая, нервная дрожь.

Медленно, как в замедленной съемке, я вернулась в прихожую. Вода уже вытекла из ванной и растеклась по линолеуму большой, уродливой лужей. Я посмотрела на дело своих рук. Старый коврик у порога плавал в грязной воде. Моя дорожная сумка, которую я бросила у стены, намокла снизу.

Всё. Это было дно. Дно унижения, дно отчаяния, дно бытовой катастрофы. Больше не было сил ни злиться, ни плакать. Полная, всепоглощающая апатия.

Я медленно, очень медленно, сползла по стене и села прямо на мокрый пол. Холодная вода мгновенно пропитала джинсы, свитер. Но мне было всё равно. Я обхватила колени руками и уставилась в одну точку.

В этой позе, в этой луже, в этой мертвой квартире я просидела, не знаю, сколько. Время остановилось.

И вдруг я вспомнила. Телефон. Он лежал в кармане мое-

го пальто, которое так и осталось висеть на вешалке. Единственная ниточка, связывающая меня с миром живых.

Собравшись с силами, я встала. Дошла до вешалки, сунула руку в карман. Пальцы, дрожащие и непослушные, нащупали холодный, гладкий прямоугольник. Я вытащила его. Экран был темным. Я нажала на кнопку. Он загорелся. Батареи было еще больше половины.

Я открыла телефонную книгу. Палец сам нашел нужный контакт. «Вайнона».

Гудки. Длинные, сонные. Я посмотрела на часы на экране. Почти два часа ночи. «Не ответит», — мелькнула запоздалая мысль.

Но на пятом гудке в трубке раздался сонный, недовольный голос:

— Алло... Кого там черти носят...

Я открыла рот, чтобы что-то сказать. Рассказать про Леонида, про Лидию, про потоп, про свою никчемность. Но из горла вместо слов вырвался только один, сдавленный, булькающий звук. Полувсхлип, полустон.

В трубке на секунду замолчали. А потом голос Вайноны мгновенно изменился. Сонливость слетела с него, как шелуха. Он стал резким, трезвым и до ужаса деловым.

— Катышкова? Ты, что ли? Что за вой, как в преисподней? Жива?

— Я... — снова попыталась я, но челюсти свело спазмом, и я смогла выдавить только: — Вода... Вайнона, тут... потоп... я... всё...

— Так, — отрезала она так, словно командовала на параде. — Рёв прекратила немедленно! Меня слышно? Где ты? У бабки своей, на Пролетарской? Адрес тот же?

— Да, — прошептала я.

— Отлично. Сиди где сидишь, и ничего не трогай. Слышишь меня? Ничего! А то еще током убьет, не хватало. Я сейчас мужика пришлю, он всё сделает.

Мужика? Какого мужика?

— Поняла меня? — рявкнула Вайнона в трубку. — Сиди тихо. Не реветь! Через полчаса-сорок минут будет у тебя. Я проверю!

И прежде чем я успела что-либо спросить, в трубке раздались короткие, отрывистые гудки.

Связь оборвалась.

Я опустила руку с телефоном. Я осталась сидеть в остывающей грязной воде, одна посреди своей личной катастрофы. Но что-то неуловимо изменилось. Тишина больше не казалась такой оглушительной и враждебной.

Кап... кап... кап...

Капли, падающие с потолка в ванной, больше не сводили с ума. Теперь это был обратный отсчет. Отсчет до чего-то неизвестного, что уже ехало ко мне сквозь ночной, спящий город. И впервые за эти страшные сутки мне стало не так

ОДИНОКО.

Глава 8. Я не вызывала медведя

Кап... кап... кап...

Этот звук стал пульсом моей новой жизни. Метроном, отбивающий ритм моего позора. Он не был громким, этот звук, но в оглушительной, звенящей тишине заброшенной квартиры он превратился в пытку. Каждая капля, срывающаяся с потолка в ванной и с глухим стуком падающая в лужу на полу, была похожа на упрек. Кап — ты ничтожество. Кап — ты никому не нужна. Кап — ты даже не можешь починить кран.

Я сидела на холодном, мокром линолеуме в коридоре, прислонившись спиной к шершавой стене. Тонкое пальто, которое я так и не сняла, намокло и противно липло к телу. Холод пробирался под одежду, добирался до самых костей, но я почти не замечала его. Внутри меня всё заledenело настолько, что внешний мир с его температурой и сыростью казался чем-то несущественным.

Апатия. Густая, вязкая, как болотная жижа. Она накрыла меня после звонка Вайноне, после того, как последняя истерическая судорога отпустила сведенные мышцы. Я больше не плакала, не думала, не чувствовала. Я просто была. Сидела в луже грязной воды посреди мертвой квартиры и слушала, как капает.

«Сейчас мужика пришлю».

Слова Вайноны, брошенные в трубку с деловитой резко-

стью, всплывали в затуманенном сознании. Мужика. Я знала этих «мужиков». В моем воображении уже рисовался образ. Дядя Вася из ЖЭКа, непременно с трехдневной щетиной и стойким запахом перегара, смешанного с дешевым табаком. Он придет, долго будет ворчать, цокать языком, глядя на дело моих рук, отчитает меня, как нашкодившую школьницу, за «порчу госимущества». Потом нехотя что-то подкрутит, оставив после себя грязь и еще более стойкий запах, и потребует «на бутылку». А у меня в кошельке, среди смятых купюр, которых едва хватит на несколько дней скромной жизни, не было денег «на бутылку». Мысль о том, что придется общаться, оправдываться, унижаться перед этим воображаемым дядей Васей, вызывала приступ тошноты. Может, не открывать? Притвориться, что меня нет дома? Но куда я денусь с этим потопом?

Стук в дверь прозвучал как выстрел.

Он не был робким или требовательным. Громкий, уверенный, короткий — два удара костяшками пальцев по старому дерматину. Словно стучал человек, у которого не было ни времени, ни желания для прелюдий.

Я вздрогнула так, что зубы стукнули. Тело, отказывавшееся подчиняться, вдруг ожило, пронзенное ледяной иглой страха. Я не хотела никого видеть. Я не хотела говорить. Я хотела только одного — чтобы все исчезли.

Второй стук. Такой же сильный, но уже более настойчивый. Он словно говорил: «Я знаю, что ты там. Открывай».

Собрав остатки воли, я уперлась руками в мокрый пол и с трудом поднялась. Ноги затекли и не слушались. Шатаясь, как пьяная, я доковыляла до двери. Сердце колотилось где-то в горле, сухо и больно. Я прижалась к мутному, почти ничего не показывающему глазку. За дверью стояла большая, расплывчатая тень.

Пальцы, негнушиеся, чужие, нащупали щеколду. Повернули. Раздался скрип, потом щелчок замка. Я потянула дверь на себя, открывая лишь узкую щель, достаточную, чтобы просунуть голову. Я приготовилась увидеть красное, одутловатое лицо воображаемого дяди Васи.

Но на пороге стоял не дядя Вася.

Там стояла скала. Гора. Человек, который не просто заполнял собой весь дверной проем — он, казалось, вытеснял из него воздух. Высокий, несоизмеримо широкий в плечах, одетый в темную, почти черную рабочую куртку, из-под которой виднелся ворот грубого свитера. С его одежды пахло морозом, ночной свежестью и чем-то еще, незнакомым и резким — смесью бензина и машинного масла.

Лицо его было хмурым, высеченным из камня. Глубокие морщины на лбу, плотно сжатые губы. Он не смотрел на меня. Его тяжелый, непроницаемый взгляд был направлен поверх моей головы, на потолок коридора, где уже проступило темное, влажное пятно.

— Пролетарская, шестнадцать? — его голос, низкий, глухой, без малейших интонаций, не спрашивал, а утверждал.

— Д-да, — только и смогла выдавить я, чувствуя, как от этого баса вибрирует воздух.

— От Вайноны, — бросил он и, не дожидаясь приглашения, шагнул внутрь.

Он не обошел лужу. Он прошел прямо по ней. Его огромные, тяжелые ботинки с рифленой подошвой издали утробный, чавкающий звук. Я инстинктивно отшатнулась, вжимаясь в стену.

Он остановился посреди коридора, окинул всё быстрым, оценивающим взглядом. Его лицо не выражало ничего: ни удивления, ни сочувствия, ни брезгливости. Он просто фиксировал факты: мокрая женщина, лужа на полу, пятно на потолке. Проблема.

— Где? — спросил он.

— В ванной, — прошептала я, указывая дрожащей рукой.

Он молча направился туда. Я поплелась за ним, чувствуя себя маленькой, промокшей мышью, в чью нору забрался медведь.

Он вошел в ванную, и крошечное пространство стало совсем тесным. Поставил на сухой пяточок у порога большой, выдававший виды ящик из толстого пластика, открыл его с деловитым лязгом. Внутри, в идеальном порядке, лежал инструмент. Блестящий, чистый, смертоносный.

— Я... я только кран хотела открыть... — начала я лепетать, чувствуя идиотскую потребность оправдаться. — А он... он просто отвалился... Простите, тут такой беспорядок.

док...

Он даже не повернул головы. Он присел на корточки, осматривая место аварии. Его широкая спина в рабочей куртке казалась несокрушимой стеной.

— Прокладка сгнила, — буркнул он, скорее для себя, чем для меня. — И резьба сорвана. Держать надо было.

Его слова не были обвинением. Это была простая констатация факта, и от этой бесстрастной правоты становилось еще хуже. Леонид бы устроил скандал, прочитал бы лекцию о том, что я «рукожопая» и не ценю его «творческую натуру», которую отвлекают по таким бытовым мелочам. Этот же человек просто констатировал мою ошибку, как врач констатирует диагноз.

Он достал из ящика какой-то массивный ключ, потом еще что-то. Его руки, большие, грубые, с вьёвшейся в кожу грязью, которую не отмыть мылом, двигались на удивление ловко и точно. Ни одного лишнего движения. Он работал молча, сосредоточенно, изредка издавая глухое, утробное рычание, когда приходилось прилагать особое усилие.

Я стояла в дверях, замороженно глядя на него. Я смотрела на эти сильные, умелые руки и вспоминала другие. Длинные, «артистические» пальцы Леонида, которые умели красиво держать бокал с вином, изящно нажимать на кнопку затвора, но были абсолютно беспомощны перед текущим крапом или расшатавшейся розеткой. «Анжи, не отвлекай меня этой брутальной прозой жизни, — говорил он с безгливой

миной. — Вызови мастера».

Этот человек и был brutальной прозой жизни. Настоящей. Невыдуманной.

Через пятнадцать минут всё было кончено. Вместо оторванного вентиля на трубе красовался новый, блестящий, серебристый.

— Горячую воду перекрыл, — сообщил он, поднимаясь с корточек. — Старый вентиль на стояке тоже под замену, еле держит. Пока не трогай. Вообще ничего не трогай.

Он так же молча, без суеты, сложил инструменты в ящик, защелкнул замки.

Я очнулась. Паника подступила с новой силой. Он сейчас уйдет. А я останусь у него в долгу. Эта мысль была невыносима. После всех унижений этого дня, остаться в долгу перед незнакомым мужчиной, который приехал спасать меня, как жалкого, тонущего котенка, — это было бы последней каплей.

— Подождите! — я бросилась к своей насквозь промокшей сумке, которую он переставил на сухое место. — Сколько я вам должна? Я сейчас...

Мои пальцы, непослушные и скользкие, никак не могли расстегнуть молнию кошелька. Купюры внутри намокли и слиплись.

Он уже стоял в коридоре, готовый уйти. Он повернулся и посмотрел на меня. Посмотрел долго, изучающе, так, что я замерла, сжимая в руках бесполезный кошелек.

— Убери, — сказал он. Тихо, но так, что спорить не хотелось.

— Нет, я не могу! — почти взмолилась я. — Вы приехали ночью, работали... Пожалуйста, возьмите! Это неправильно!

— Я сказал, не надо, — отрезал он. В его голосе не было злости, только холодная, непробиваемая усталость.

Я опустила руки. Кошелек выпал из них и с тихим шлепком упал на мокрый пол. Всё. Полный провал. Я не могла даже заплатить. Мне нужно было отдать ему хоть что-то, хоть крошку, чтобы сохранить остатки самоуважения.

— Может быть... чаю? Или кофе? — слова вырвались сами собой. И тут же я осеклась, обведя взглядом убогую, темную кухню, где в раковине стояла гора грязной, покрытой многолетней пылью посуды. Абсурдность моего предложения была чудовищной. Я предлагала человеку, спасшему меня, чай, которого у меня не было, в чашке, которую нечем было помыть.

Краска стыда, горячая, злая, залила мое лицо. Я замолчала, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. Слезы унижения от собственной нищеты — не только финансовой, но и бытовой, человеческой.

Он видел всё это. Я не знала, что отразилось на его лице в этот момент, в полумраке коридора, но его суровость, казалось, на миг дрогнула. Он не стал говорить банальных слов утешения, не стал меня жалеть.

— Утром позвони Вайноне, — сказал он, и это прозвуча-

ло как приказ. — Она скажет, что дальше.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но задержался у самой двери.

— И воду с пола убери, — добавил он, не оборачиваясь. — Замкнёт еще.

Дверь за ним закрылась. Тяжелая, обитая дерматином, она отсекала меня от ночного города, от звука удаляющихся шагов, от всего мира.

Я осталась одна. В тишине. Даже капать перестало.

Я стояла посреди лужи, униженная, разбитая, промокшая до нитки. Но что-то изменилось. В воздухе, пропитанном запахом сырости и ржавчины, витал новый аромат — едва уловимый запах мороза и машинного масла. Впервые за эти страшные сутки кто-то не создавал мне проблемы, а решил одну из них. Молча. Бесплатно. И ушел.

Я посмотрела на свои руки. Потом на новый, блестящий вентиль в ванной. Он был реальным. Он был доказательством того, что мир не состоит из одних только пафосных слов и предательства.

Глава 9. Аллергия на кольца

Тряпка, бывшая когда-то старой наволочкой, с чавкающим звуком прошла по вздувшемуся линолеуму, оставляя за собой мокрый, пахнущий хлоркой след. Я давила на нее с таким остервенением, словно пыталась стереть не просто вековую грязь в коридоре бабушкиной квартиры, а само воспоминание о вчерашнем позоре.

Пятно не поддавалось. Оно въелось в структуру покрытия, стало частью истории этого дома, как и запах нафталина, как и желтые разводы на потолке. Но я терла. Терла до ломоты в суставах, до красных пятен на ладонях. Мне нужно было действие. Физическое, тупое, изматывающее действие, которое заглушило бы голос в голове, твердивший: «Ты неудачница. Ты сидишь в луже. Ты никто».

Телефон, лежавший на пыльной тумбочке в прихожей, вибрировал уже в третий раз, подпрыгивая на жесткой поверхности. Я разогнулась, чувствуя, как хрустнула поясница — привет, сорок лет, — и, отбросив грязную тряпку в ведро, потянулась к трубке.

— Да, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не вышло. В нем все еще слышалась одышка загнанной лошади.

— Катышкова, ты там что, в петлю лезешь? — голос Вайноны, как всегда, был полон той грубоватой, жизнеутвержда-

ющей энергии, которой мне сейчас так не хватало. — Трубку брать не учили? Я уже думала, тебя током убило или ты утопилась в унитазе.

— Живая я, — буркнула я, вытирая мокрые руки о джинсы. Те самые, в которых я вчера сбежала. Других пока не было. — Убираюсь.

— Убирается она, — фыркнула Вайнона. — Смотри там, без фанатизма. Этой халупе уже ничего не поможет, кроме динамита. Слушай сюда. Я с Михалычем созвонилась. Он будет у тебя к десяти.

Я метнула взгляд на настенные часы — старые, с кукушкой, которая давно онемела и застыла, высунувшись из домика. Половина десятого.

— Как к десяти? — паника, холодная и липкая, снова шевельнулась в животе. — Вайнона, зачем? Он же вчера все сделал! Вентиль поставил, вода не течет...

— Сделал он времянку, — перебила подруга тоном, не терпящим возражений. — Там на стояке резьба сорвана, он сказал. Если сейчас капитально не перекрыть и не переварить, то в следующий раз ты не просто пол намочишь, а устроишь аквапарк для всего подъезда. А там бабки живут злые, они тебя живьем съедят вместе с твоим разводом. Так что не спорь. Жди. И это... Катышкова.

Голос Вайноны вдруг смягчился, потерял свои командные нотки.

— Ты как вообще? Отошла?

Я посмотрела на свои руки. Кожа на пальцах сморщилась от воды и хлорки, ноготь на указательном сломан. В зеркале напротив отражалась женщина с темными кругами под глазами, в растянутом свитере и с пучком на голове, который больше напоминал воронье гнездо.

— Нормально, — солгала я. — Жить буду.

— Ну и молодец. Хвост пистолетом. Мы еще на твоей свадьбе погуляем, назло этому лысеющему Казанове. Все, давай, Михалыча не пугай своим кислым видом. Он мужик суровый, но деловой.

Гудки в трубке оборвали связь.

Я осталась стоять посреди коридора, сжимая телефон. Десять утра. У меня было меньше получаса.

Вчерашний вечер вспоминался как дурной сон, смазанный, пропитанный стыдом. Я сидела в грязной воде, ревела белугой, а этот огромный, молчаливый человек ходил мимо, решая мои проблемы. Я выглядела жалко. Я была жалкой.

Но сегодня — новый день. И я, Анжела Викторовна Катышкова, ведущий специалист ЗАГСа, женщина с высшим образованием и чувством собственного достоинства, не собиралась снова предстать перед ним в образе мокрой курицы. Хватит. Лимит на унижения исчерпан на ближайшую пятилетку.

Я метнулась в ванную. Холодной водой — горячей пока не было — плеснула в лицо, пытаюсь смыть остатки сна и серости. Расчесала волосы, стянула их в аккуратный, тугий

хвост. Передела свитер на тот, что был в сумке — мятый, но хотя бы сухой и чистый. Подкрасила ресницы. Совсем чуть-чуть, чтобы глаза не казались такими воспаленными.

Затем — кухня.

Это было самое страшное место в квартире. Гора невымытой посуды в раковине, которую я вчера так и не осилила, смотрела на меня с укоризной. Стол, покрытый липкой клеенкой в цветочек, был завален каким-то хламом: старыми газетами, баночками из-под лекарств, засохшими корками хлеба трехлетней давности.

Я работала как робот. Сгрести мусор в пакет. Протереть стол. Вымыть раковину содой, найденной в шкафчике (единственное чистящее средство в доме), до скрипа. Поставить чайник.

И тут меня пронзила мысль. Чай.

Он придет работать. Бесплатно, как сказала Вайнона. Вчера он отказался от денег, даже слушать не стал. Но я не могла, просто физически не могла позволить себе оставаться в долгу. Это было вопросом принципа. Если я не могу заплатить, я должна хотя бы проявить гостеприимство. Накормить.

Я открыла холодильник. Пустота и запах одиночества. В морозилке — сиротливый кусок льда. На полках — мышь повесилась и оставила предсмертную записку.

Я схватила кошелек. Внутри сиротливо жались друг к другу несколько купюр и горсть мелочь. Основные деньги оста-

лись на карте, но банкомата рядом не было, а в местном магазинчике терминал вечно не работал.

Двадцать минут. Я успею.

Улица встретила меня промозглым ветром и мелкой моросью, которая висела в воздухе водяной пылью. Этот район города разительно отличался от того, где мы жили с Леонидом. Там были новостройки, яркие витрины, кофейни с запахом корицы и модные барбершопы. Здесь, на окраине, время словно застыло в начале двухтысячных.

Серые панельные пятиэтажки смотрели на мир подслеповатыми окнами. Разбитый асфальт во дворах был усеян лужами, в которых отражалось свинцовое небо. У подъездов сидели вечные бабушки, провожающие каждого прохожего рентгеновским взглядом.

Я поежилась, плотнее запахивая пальто. Я чувствовала себя здесь чужой. Иностранным телом. Словно меня вырвали из привычной среды и пересадили в грунт, где я не смогу прижиться.

Магазин «Продукты 24» располагался в пристройке к соседнему дому. Дверь открывалась с тяжелым скрипом, выпуская наружу запах дешевой колбасы, стирального порошка и пива.

Внутри было тесно и полутемно. Я прошла вдоль полок, стараясь не смотреть на цены, которые, казалось, выросли за ночь. Мой взгляд привычно искал то, что я брала обычно:

хороший сыр, ветчину, те самые пирожные из кондитерской с заварным кремом, которые так любил Леонид к утреннему кофе.

«Очнись, Анжела, — одернула я сама себя. — Ты теперь не жена успешного фотографа. Ты — женщина в разводе, живущая в бабушкиной хрущевке».

Арифметика бедности — жестокая наука. Я стояла перед витриной с выпечкой и считала в уме. Торт «Медовик» — дорого. Набор эклеров — дорого. Печенье в красивой жестяной коробке — непозволительная роскошь.

Я чувствовала, как горят щеки. Мне было стыдно перед продавщицей, полной женщиной с ярким макияжем, которая смотрела на меня с ленивым ожиданием. Мне казалось, что у меня на лбу написано: «Брошенка. Нищая. Неудачница».

— Вам чего, женщина? — поторопила она, постукивая накладным ногтем по прилавок.

— Мне... — я сглотнула. — Мне вот этих слоек. С джемом. Четыре... нет, пять штук.

«Язычки». Самые простые, слоеные, посыпанные сахаром. В детстве я их любила. Сейчас они казались символом моего падения.

— И лимон, — добавила я твердо. — Один.

Лимон — это важно. Чай с лимоном — это уже не просто кипяток с заваркой, это почти церемония. Это намек на уют, которого мне так отчаянно не хватало.

На кассе я высыпала мелочь. Пересчитывала монеты, стараясь не дрожать пальцами. Рубль, два, пять... Хватило. Даже осталось на коробок спичек — плита в квартире была газовая, старая, пьезоподжиг давно умер.

Я вышла из магазина, прижимая к груди пакет с дешевыми слойками так, словно несла в нем фамильные драгоценности.

Я едва успела скинуть пальто и вымыть руки, как в дверь постучали.

Этот стук я узнала бы из тысячи. Не дробный, не суетливый, не вежливое покашливание в дерево. Два коротких, весомых удара. Так стучат люди, которые знают цену своему и чужому времени.

Я глубоко вздохнула, поправила перед зеркалом выбившуюся прядь и открыла дверь.

Михаил стоял на пороге, заполнив собой весь проем. При свете дня он выглядел иначе, чем в ночном кошмаре. Вчера он казался мне бесформенной горой, угрожающей скалой. Сегодня я видела детали.

На нем была та же темная рабочая куртка, но расстегнутая, под ней — простой серый свитер грубой вязки. Лицо его, обветренное, с глубокими складками у рта, казалось высеченным из камня. Над левой бровью белел старый шрам, пересекающий лоб наискосок. Волосы, коротко стриженные, жесткие, были густо прошиты сединой на висках.

В одной руке он держал свой неизменный ящик с инструментами, в другой — моток каких-то труб и пакетов.

От него пахло улицей, холодом, металлом и совсем немного — табаком. Не тем дорогим ароматизированным табаком, который курил Леонид, а простым, горьким.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь улыбнуться. Улыбка вышла натянутой, «номер три» — вежливая и официальная.

Он кивнул, не меняясь в лице.

— Утро, — бас прозвучал глухо. Он шагнул внутрь, сразу же, по-хозяйски, оценивая обстановку. Его взгляд скользнул по чистому полу (я мысленно похвалила себя за утренний подвиг), по моим джинсам, по пакету со слойками на тумбочке.

— Я сейчас переоденусь и начну, — сказал он, ставя ящик на пол. — Воду в подвале я перекрыл. Соседи, конечно, поворчат, но лучше час без воды, чем ремонт вам делать.

Он не спрашивал, он информировал.

— Да, конечно, — я посторонилась, пропуская его. — Проходите. Там... в туалете.

— Знаю, где, — буркнул он.

Он снял куртку, оставшись в свитере, закатал рукава. Руки у него были впечатляющие. Широкие ладони, узловатые пальцы, перевитые венами предплечья. На коже, въевшись в поры, темнели следы мазута или графита, которые не отмываются до конца никогда. Это были руки человека, который

строит, чинит, создает. Руки, которые не боятся грязи.

Я вспомнила руки Леонида. Тонкие, бледные, всегда пахнущие кремом. Он берег их как зеницу ока. «Анжи, открой банку с огурцами, я боюсь ноготь сломать перед съемкой».

Контраст был настолько разительным, что я на секунду зависла, глядя, как Михаил раскладывает ключи на полу в туалете, предварительно подстелив какую-то тряпку.

— Вы... вам помочь? — дурацкий вопрос, но стоять над душой молча было невыносимо.

Он поднял на меня глаза. Они были серые, цвета пасмурного неба, и смотрели спокойно, без насмешки.

— Светить не надо, у меня фонарь есть. Просто не мешайте пока. И дверь прикройте, пыльно будет. Болгаркой резать придется.

Я послушно закрыла дверь в туалет и ретировалась на кухню.

Через минуту квартиру наполнил визг металла. Звук был противным, сверлящим мозг, но странным образом успокаивающим. Это был звук решения проблемы. Кто-то пришел и исправлял то, что сломалось. Не ныл, не обвинял, не требовал «вдохновения», а просто резал ржавую трубу.

Я занялась сервировкой. Моя «сервировка» выглядела жалко, но я старалась. Чайник закипел, пуская струю пара. Я заварила чай прямо в чашках — заварочного чайника не нашлось. Отрезала лимон тонкими, почти прозрачными ломтиками. Выложила слойки на тарелку, которую нашла в нед-

рах буфета — старую, с отбитым краем, но с милыми нарисованными гусями.

Визг болгарки стих. Раздался лязг металла, потом глухое ворчание, снова лязг.

— Готово! — донеслось из-за двери через полчаса. — Хозяйка, принимай работу.

Я вздрогнула и поспешила в коридор.

Михаил стоял, вытирая руки ветошью. На лбу у него выступил пот. В туалете пахло раскаленным металлом и сваркой. Вместо старого, ржавого монстра на трубе красовался новый, компактный шаровой кран с красной ручкой.

— Стояк переварил, резьбу нарезал новую, — отчитался он, укладывая инструменты. — Теперь лет десять простоит. Основной вентиль держит мертво, можно воду открывать. Смеситель в ванной я тоже подтянул, капать не будет.

Я смотрела на новый кран, как на произведение искусства.

— Спасибо, — выдохнула я искренне. — Вы меня спасли. Правда.

Он пожал плечами, словно спасение утопающих было его рутинной обязанностью, не стоящей упоминания.

— Работа такая.

Он застегнул ящик, поднял его и потянулся к куртке. Он уходил. Снова. Просто сделал дело и уходит.

И тут во мне разыграло то самое чувство, смесь благодарности и отчаянного нежелания снова оставаться одной в этой тишине.

— Подождите! — я шагнула к нему, преграждая путь к двери.

Он замер, вопросительно подняв бровь.

— Михаил... простите, не знаю вашего отчества...

— Просто Михаил, — буркнул он.

— Михаил. Вы... вы вчера денег не взяли. И сегодня, я так понимаю, Вайнона с вами сама договорилась, но я так не могу. — Я набрала в грудь воздуха. — Пожалуйста. Выпейте со мной чаю. У меня слойки. Свежие, еще теплые. И лимон.

Я видела, как он колеблется. Его взгляд метнулся к двери, потом на меня, потом в сторону кухни, откуда доносился запах лимона и сдобы. Видно было, что ему неловко, что он не привык к таким церемониям с заказчиками, тем более в таких... декорациях.

— Некогда мне, — начал было он привычную отговорку. — Заказов много...

— Пожалуйста, — тихо повторила я. — Всего десять минут. Я не отниму много времени. Мне просто... очень неудобно вас так отпускать.

Он посмотрел мне в глаза. Внимательно, глубоко. Что он там увидел? Страх? Одиночество? Отчаянную попытку сохранить лицо?

Он вздохнул, поставил ящик обратно на пол.

— Ладно. Десять минут. Чай — это можно. А то с утра маковой росинки во рту не было.

Я чуть не подпрыгнула от радости. Глупо, наверное, ра-

доваться тому, что незнакомый угрюмый мужик согласился поесть твоих дешевых булок, но для меня это была маленькая победа.

Кухня в бабушкиной квартире была крошечной, метров пять, не больше. Михаил заполнил её собой почти целиком. Когда он сел на хлипкую табуретку, та жалобно скрипнула под его весом. Его колени уперлись в ножку стола, плечи казались слишком широкими для этого узкого пространства. Он был как медведь, случайно забредший в кукольный домик.

Я суетилась, наливая кипяток, пододвигая к нему тарелку со слойками.

— Берите, пожалуйста. Сахар вот, в сахарнице.

Он взял чашку. В его огромной ладони она казалась игрушечной. Я с ужасом ждала, что он сейчас раздавит её или отломит ручку, но он держал фарфор на удивление бережно, аккуратно.

— Спасибо, — он подул на чай, отхлебнул. — Хороший чай. Крепкий.

Обычный пакетированный чай «Принцесса Нури». Но из его уст это прозвучало как комплимент шеф-повара.

Он взял слойку, откусил сразу половину. Жевал он медленно, основательно.

— Вкусно, — констатировал он. — Люблю такие. Простые. Без всяких этих... кремов жирных.

— Я тоже, — улыбнулась я, садясь напротив. — В детстве бабушка такие покупала в кулинарии за углом. Они тогда копейки стоили.

— Да, помню, — кивнул он. — У нас тоже такая кулинария была. Мы с пацанами после школы бегали. Коржики молочные еще были.

— Точно! Коржики! — я рассмеялась. — Сухие такие, ими гвозди забивать можно было, если полежат день. Но с молоком — самое то.

Напряжение, висевшее в воздухе, начало таять. Разговор о еде из детства — это всегда безопасная территория. Нейтральная полоса, где нет разводов, измен и протекших труб.

Мы сидели, пили чай, и я впервые за последние двое суток чувствовала себя... нормально. Просто нормально. Не жертвой, не брошенкой, а женщиной, которая пьет чай с мужчиной. Пусть этот мужчина — случайный сантехник, пусть на нем рабочая роба, а не костюм от Brioni, но от него исходило какое-то спокойствие. Надежность. Рядом с ним стены не казались такими обшарпанными, а проблема с краном — такой катастрофической.

Он оглядел кухню, прищурившись.

— Квартира, конечно, запущена, — сказал он прямо, без обиняков. — Но сухая. Плесени нет, я посмотрел. Полы крепкие, не гнилые. Если руки приложить — жить можно. Обои переклеить, потолок побелить... Не так уж все и страшно.

— Да, — кивнула я, чувствуя укол вины. — Мы... мы собирались ремонт делать. Три года назад. Муж... бывший муж все обещал. Планировали, обои даже купили, они там, за шкафом стоят. Но все как-то не до того было. То работа, то вдохновение у него, то денег нет...

Михаил хмыкнул, отламывая кусочек от второй слойки.

— Обещанного три года ждут, — проговорил он философски. — Классика жанра. Болтать — не мешки ворочать. Знаю я таких... творческих. У них вечно то понос, то золотуха, лишь бы молоток в руки не брать.

Я грустно усмехнулась.

— Вы очень точно описали. Он фотограф. Художник. Ему быт... мешал. Душил его тонкую натуру.

— Ага, душил, — в голосе Михаила проскользнула злая ирония. — А есть и спать его натура не мешала? Или он солнечным светом питался?

Этот простой вопрос, заданный с такой житейской прямо-
тою, вдруг расставил все по местам. Действительно. Лёня презирал быт, но обожал мои котлеты, чистые рубашки и уют. Он хотел жить в комфорте, но не хотел палец о палец ударить для его создания.

— Вы правы, — тихо сказала я. — Не мешала. Наоборот. Аппетит у него всегда был отменный.

Михаил допил чай, поставил чашку на блюдце. Стук фарфора прозвучал как точка в этой теме. Он явно не любил перебивать кости незнакомым людям, даже если эти люди

того заслуживали.

Пауза затянулась. Нужно было что-то сказать, поддержать беседу, чтобы не возвращаться в липкую тишину.

Михаил, видимо, подумал о том же. Он откинулся на спинку табурета (та снова скрипнула), сцепил руки в замок на коленях и посмотрел на меня с вежливым интересом.

— А сами-то вы кем трудитесь? — спросил он. — Квартира бабушкина, говорите... А вид у вас... строгий такой. Аккуратный. Даже сейчас. Бухгалтерия? Или учительница? У меня первая жена учителем была, у нее тоже всегда порядок был идеальный, по линейке.

Я невольно выпрямила спину. Мне понравилась его догадка. «Аккуратный вид». Значит, я все-таки смогла привести себя в порядок и не выгляжу как городская сумасшедшая.

И я ответила. Честно. С той ноткой профессиональной гордости, которая всегда звучала в моем голосе, когда я говорила о своей работе. Я любила свое дело. Я верила, что делаю что-то важное.

— Нет, не бухгалтерия. Я в ЗАГСе работаю.

Михаил замер. Его брови слегка поползли вверх.

— В ЗАГСе? Бумажки перебираете? Архивариус?

— Нет, — я улыбнулась. — Я ведущая церемоний. Та самая женщина, которая стоит за стойкой, читает речь и спрашивает: «Согласны ли вы...». Я регистрирую браки. Соединяю сердца, так сказать.

Я ждала обычной реакции. Обычно люди улыбались, го-

ворили: «О, какая красивая работа!», начинали расспрашивать про курьезы на свадьбах или просили совета.

Но Михаил не улыбнулся.

Его лицо изменилось мгновенно. Словно кто-то выключил свет в комнате. Тепло, которое только что начало зарождаться в его серых глазах, исчезло, сменившись ледяным, колючим холодом. Губы сжались в тонкую, жесткую линию. Шрам на лбу вдруг стал заметнее, налился кровью.

Он медленно убрал руки со стола. Отодвинулся. Скрежет ножек табурета по полу прозвучал как звук ножа по стеклу.

— Понятно, — произнес он. Голос стал плоским, лишенным интонаций. Сухим, как осенний лист. — Конвейер, значит.

Улыбка сползла с моего лица. Я растерянно моргнула.

— Простите? Какой конвейер?

— Конвейер лицемерия, — отчеканил он, глядя теперь не на меня, а куда-то в стену, поверх моего плеча. — «Согласны ли вы любить до гроба», «корабль любви отправляется в плавание»... И прочая сладкая лапша на уши. Штампуете счастье по графику? Пятнадцать минут на пару, следующий?

Меня словно ударили. Несправедливость его слов, их ядовитая горечь обожгли.

— Почему лапша? — мой голос дрогнул, но я постаралась ответить твердо. — Мы людям праздник дарим. Важный момент в жизни. Они счастливы, они любят друг друга...

— Дарят они, — перебил он, резко вставая. В тесной кух-

не сразу стало нечем дышать. — Продаете вы. Красивую картинку продаете. Фантик. А что внутри — вам плевать. Главное, чтобы на фото красиво было и гости похлопали. А то, что через год эти «любящие сердца» друг другу глотки грызть будут и имущество делить до последней вилки — это уже не ваша забота, верно? Ваше дело — речь прочитать и ручкой помахать.

В его словах было столько личной, застарелой боли, столько злости, что я опешила. Это было не про меня. Это было про кого-то другого, кого он видел во мне сейчас.

— Зачем вы так? — тихо спросила я. — Не у всех же так. Есть люди, которые живут всю жизнь...

— Есть, — отрезал он, подхватывая свой ящик. — Только в ЗАГСе им делать нечего. Нормальному чувству штамп не нужен. И тетки с начесом, которые за зарплату про вечную любовь рассказывают, тоже не нужны. Аллергия у меня на это. На кольца эти, на марши Мендельсона. На всю эту фальшь.

Он даже не посмотрел на меня.

— Спасибо за чай.

Это «спасибо» прозвучало как ругательство.

Он развернулся и вышел в коридор. Широкими, тяжелыми шагами, от которых подпрыгивали половицы.

Я осталась сидеть, пригвожденная к месту. Я слышала, как он надевает куртку, как щелкает замок на двери.

— До свидания! — крикнула я запоздало, в спину, пыта-

ясь сохранить хоть каплю вежливости.

Ответа не последовало.

Дверь хлопнула. Громко, сотрясая стены, так, что с потолка посыпалась мелкая штукатурка.

Я осталась одна. В звенящей тишине бабушкиной кухни.

На столе стояли две пустые чашки. На тарелке лежали сиротливые крошки от слоек. В воздухе все еще витал запах лимона и сварки.

Обида, горячая и злая, подступила к горлу комком. Глаза защипало.

Ну почему? Почему так?

Только что все было нормально. Мы сидели, разговаривали, ели эти чертовы слойки за три копейки. Я чувствовала себя человеком. И вдруг — как ушат помоев на голову. За что? За то, что я работаю там, где работаю? За то, что я пытаюсь делать этот мир чуть красивее, чуть торжественнее?

«Лицемерие». «Тетки с начесом».

Я вспомнила свою вчерашнюю речь. «О двух половинах». Вспомнила лицо Лидии. Вспомнила Лёню, который двадцать лет назад стоял рядом со мной в таком же зале.

Может, он прав? Может, я действительно продаю фантики? Пустышки? Сама — сапожник без сапог, разведенка, которая учит других, как строить семью.

Я посмотрела на чашку, из которой он пил. На ней остался темный след от его пальца — мазут, который не отмылся до конца.

— Ну и иди к черту, медведь неотесанный, — прошептала я в пустоту. — Хам. Грубиян. Обойдусь. Мне и одной нормально.

Я смахнула крошки со стола в ладонь. Резко, зло.

Мне одной нормально.

Вот только рука, сжимавшая тряпку, предательски дрожала. А в груди, там, где еще пять минут назад теплился крошечный огонек надежды на то, что в мире есть нормальные мужчины, снова разливался холод. Холод пустой квартиры с новыми трубами, но старым одиночеством.

Глава 10. Первый звонок из прошлого

«Крокодильчик» был старым, тугим и, кажется, ненавидел меня лично. Я стояла на шаткой табуретке, балансируя под самым потолком, и пыталась прицепить край дешевого тюля к металлическому зажиму карниза. Пальцы скользили, шею ломило от неестественного положения, а в голове крутилась одна и та же мысль: почему в советских квартирах потолки казались низкими, пока не начнешь вешать шторы?

Щелк.

Зажим наконец-то сомкнул свои металлические челюсти на ткани. Я выдохнула и осторожно, стараясь не делать резких движений, спустилась на пол. Табуретка подо мной жалобно скрипнула, словно предупреждая: «В следующий раз я развалюсь, Ангела, честное слово».

Я отошла к дверному проему, чтобы оценить результат своих трудов.

Тюль был самым простым, купленным вчера на распродаже в хозяйственном магазине за углом. Синтетика, банальный рисунок «под морозные узоры», жесткая кайма. В моей прошлой жизни — той, что осталась в уютной двушке с итальянской мебелью, — я бы даже не посмотрела на такой текстиль. Там на окнах висел благородный лен цвета слона-

вой кости, который я заказывала в ателье и отпаривала по два часа перед каждым праздником.

Здесь же, в бабушкиной «берлоге», этот кусок дешевой синтетики выглядел как белый флаг капитуляции перед бытом. Но, с другой стороны, он был чистым. Белоснежным. И он закрывал вид на унылый серый двор с ржавыми гаражами и переполненными мусорными баками.

— Сойдет, — сказала я вслух. Мой голос прозвучал глухо в полупустой комнате, но уже не так одиноко, как неделю назад.

За эту неделю я сделала невозможное. Я не просто выжила — я начала вить гнездо на пепелище. Три больших черных мешка с мусором уже перекечевали на помойку. В них отправились старые, пахнувшие нафталином половики, стопки журналов «Здоровье» за девяносто восьмой год, лекарства с истекшим сроком годности и те самые пыльные бархатные шторы, которые, казалось, впитали в себя всю тоску этого места.

Я отмыла окна. Я выскребла кухню так, что старая эмалированная раковина перестала быть желтой и приобрела вполне приличный бежевый оттенок. Я даже купила скатерть — клеенчатую, конечно, но яркую, с лимонами.

Лимоны.

Я невольно поморщилась, вспомнив тот день, когда здесь был Михаил. Воспоминание было двойственным, как вкус самого цитруса — кислое, но с ярким послевкусием.

Я прошла в ванную, чтобы вымыть руки после возни с карнизом. Щелкнула выключателем. Желтый свет лампочки залил тесное пространство, отразившись в зеркале, которое я тоже оттерла от мутных разводов.

Мой взгляд привычно упал на смеситель.

Он больше не капал. Старый, с облупившейся эмалью на вентилях, он теперь стоял смирно, словно солдат в строю. Михаил подтянул его, заменил прокладки, и этот рыжий ветеран советской сантехники вдруг начал работать как надо. А ниже, на трубе, сиял новенький серебристый вентиль перекрытия воды — единственная новая вещь в этой разрухе.

Я открыла воду. Струя ударила в раковину ровно, мощно, без брызг и истеричного шипения. Ни одной капли мимо. Идеально.

— Конвейер лицемерия, — прошептала я, глядя на свое отражение.

Эти слова Михаила, брошенные им на прощание, засели у меня в голове, как заноза. Я пыталась вытащить её всю неделю. Пыталась убедить себя, что он просто грубиян, обиженный жизнью мужлан, который ничего не понимает в высоких материях. Что мне должно быть плевать на мнение случайного сантехника, пусть даже и с золотыми руками.

Но не получалось.

«Тетки с начесом». «Штампуете счастье по графику». «Аллергия на кольца».

Обида жгла не потому, что он был груб. А потому, что в

глубине души, в том самом темном уголке, куда я боялась заглядывать последние годы, я знала: он прав. Отчасти.

Разве не лицемерием было улыбаться молодоженам, желать им вечной любви, а потом идти домой к мужу, который забыл про годовщину? Разве не лицемерием было читать трогательные стихи о верности, зная, что половина этих пар придет разводиться через год, и я буду так же дежурно оформлять им документы о расторжении брака?

Я ведь сама продавала сказку, в которую перестала верить. Сапожник без сапог. Регистратор без любви.

Я закрыла кран. Резким движением вытерла руки о полотенце. Хватит. Хватит копать в себе. Михаил сделал свое дело, я его покормила (пусть и убого), мы в расчете. Он ушел в свою суровую реальность, я осталась в своей.

Я вернулась в комнату. Тишина. В квартире было тихо, но теперь эта тишина не давила на уши. Она была... лечебной. Никто не включал дурацкую музыку, от которой вибрировал пол. Никто не требовал найти «тот самый шарф» или принести кофе в постель. Никто не цокал языком, критикуя мой выбор передачи по телевизору.

Я села в старое кресло, которое накрыла пледом, привезенным из прошлой жизни. Взяла кружку с остывающим кофе. Это была моя любимая кружка, большая, керамическая, тяжелая. Я успела сунуть её в сумку в тот страшный вечер побега. Теперь она была моим якорем.

Я сделала глоток. Горько, холодно, но вкусно.

Я посмотрела на часы на стене. Половина одиннадцатого утра. Суббота. Впереди был целый день, который принадлежал только мне. Я могла пойти гулять. Могла читать книгу. Могла просто сидеть и смотреть в потолок, и никто не назвал бы меня скучной.

Идиллию разорвал резкий, требовательный звук.

Телефон, лежавший на подоконнике, завибрировал, ударяясь корпусом о дерево. Мелодия — «Времена года» Вивальди. Я поставила её на звонок мужа пять лет назад, когда он решил, что классика подчеркивает его тонкую душевную организацию.

Теперь эта скрипка звучала как скрежет металла по стеклу.

Я вздрогнула так сильно, что кофе плеснул из кружки мне на колени. Горячее пятно мгновенно расплылось по джинсам, но я даже не заметила ожога. Я смотрела на экран телефона, как кролик смотрит на фары приближающегося грузовика.

На дисплее высветилось фото. Леонид. В модном шарфе, с камерой в руках, взгляд устремлен в вечность. И подпись: «Любимый».

Я не успела переименовать контакт. Руки не доходили, или, может быть, я просто боялась признать окончательность произошедшего.

Сердце ухнуло куда-то в желудок, а потом забилося в горле, перекрывая кислород. Старый, выдрессированный года-

ми рефлекс сработал мгновенно. Выброс адреналина. Липкий страх: «Что случилось? Я что-то забыла? Он звонит, значит, это срочно».

«Не бери, — шепнул голос разума, подозрительно похожий на голос Вайноны. — Ничего хорошего он тебе не скажет. Не бери».

Но палец уже сам, предательски дрожа, потянулся к зеленой кнопке. Я не могла не ответить. Двадцать лет брака — это не просто штамп в паспорте, это нейронные связи, прошитые намертво. Это привычка быть на связи, быть готовой, быть удобной.

— Алло? — выдохнула я. Голос был слабым, сиплым, совсем не таким уверенным, каким я хотела бы говорить.

— Наконец-то! — рывкнул Леонид в трубку. Ни «здравствуй», ни «как ты». Сразу претензия. — Катышкова, ты издаеаешься? Я звоню уже третий раз! Ты что, оглохла там в своей хрущобе?

На фоне его голоса слышался шум дороги, гудки машин и какой-то свист ветра. Он был на улице.

— Я... я была занята, — пробормотала я, чувствуя, как щеки заливают краска. Почему я оправдываюсь? За что?

— Занята она! Чем ты там можешь быть занята? Пыль с ушей стряхиваешь? — он был на взводе. — Слушай сюда. Меня гаишники тормознули на выезде из города. Страховку требуют. Я весь бардачок перерыл — нету! Где полис, Ангела? Куда ты его опять засунула?

Его тон был таким привычным, таким до боли знакомым, что меня на секунду отбросило назад, в нашу прихожую. Словно я снова стою там, в фартуке, а он, опаздывая на съемку, орет на меня из-за потерянных ключей, которые лежат у него в кармане.

«Куда ты его засунула». Вечная песня.

— Леня, — я попыталась говорить спокойно, но голос предательски дрогнул. — Я ничего не засовывала. В бардачке должен быть. В файле.

— Нету там никакого файла! — заорал он так, что мне пришлось отвести трубку от уха. — Там только твои влажные салфетки и какие-то чеки! Ты вечно убираешь мои документы черт знает куда! Ты что, специально это делаешь? Решила мне подгадить напоследок? Гаишник уже протокол пишет, ты понимаешь?! Это штраф! Это деньги!

Я закрыла глаза. Я видела этот бардачок так ясно, словно он был передо мной. Куча хлама, фантики от конфет, провода от зарядки, старые аккумуляторы для камеры... И синяя папка. Папка, которую я купила специально для документов на машину, чтобы они не валялись как попало.

— Леня, послушай меня, — сказала я, делая глубокий вдох. — В машине, под пассажирским сиденьем, есть выдвижной ящик. Ты про него вечно забываешь. Синяя папка там.

В трубке повисла тишина, наполненная шуршанием, какой-то возней и неразборчивым бормотанием.

— Ну? — спросила я через минуту.

— Нашел, — буркнул он. Ни «спасибо», ни «извини». — Могла бы сразу сказать, а не устраивать цирк. Я тут полчаса мерзну из-за твоей безалаберности.

«Моей безалаберности».

Я хотела ответить. Хотела сказать, что это он водитель, что это его машина и его документы. Что я не обязана помнить, где лежит его страховка, спустя неделю после того, как он выставил меня из дома. Но слова застряли в горле. Привычка гасить конфликт, сглаживать углы оказалась сильнее.

— Хорошо, что нашел, — сказала я тихо. — Это всё?

Я уже собиралась нажать отбой, чувствуя облегчение от того, что разговор окончен. Но Леонид не собирался меня отпускать.

— Нет, не всё, — его голос изменился. Раздражение сменилось капризными, жалобными нотками, которые я знала еще лучше. Это был тон «непризнанного гения, которого обижает жестокий мир». — Ты вообще о чем думала, когда уходила?

— О том, чтобы не мешать тебе творить с твоей музой, — вырвалось у меня.

— Не язви, тебе не идет, — отмахнулся он. — Я про быт. Про элементарные вещи. Я сегодня утром открыл холодильник — там мышь повесилась. Шаром покати! Ни колбасы, ни сыра, ни яиц нормальных.

— Леня, я уехала неделю назад, — напомнила я, чув-

ствуя, как внутри начинает закипать раздражение. — Продукты имеют свойство заканчиваться, если их едят.

— Вот именно! — подхватил он. — А кто должен пополнять запасы? Я? Я работаю, Анжела! У меня проекты! У меня вдохновение, черт побери! Я не могу тратить свою энергию на походы по вашим этим «Пятерочкам», стоять в очередях с бабками. Это убивает во мне художника!

— А Лидия? — спросила я. Имя «музы» царапнуло горло. — Она не может сходить в магазин?

В трубке послышалось презрительное фырканье.

— Лидочка? Ты смеешься? Она девочка, Анжела. Она создана для красоты, для эмоций. Она вчера попыталась сварить пельмени — эти, покупные, гадость редкостная. Так они у неё разварились в кашу! Есть невозможно было. Мы голодные легли спать!

Я представила эту картину. Великий фотохудожник и его юная муза, грустно ковыряющие вилками слипшееся тесто. Мне должно было стать смешно. Но мне стало противно.

— И что ты от меня хочешь? — спросила я, уже догадываясь об ответе.

— Как что? — искренне удивился он. — Помощи! Участия! Мы же не чужие люди, двадцать лет вместе. Ты знаешь мой желудок, Анжела. У меня гастрит. Мне нужно жидкое, горячее. Домашнее. Ты могла бы, уходя, хотя бы кастрюлю борща сварить? Или котлет накрутить, в морозилку кинуть?

Я замерла. Я стояла посреди своей убогой, но чистой кух-

ни, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев.

Он серьезно. Он абсолютно, кристально серьезно.

Он выгнал меня из дома. Он привел туда любовницу. Он унизил меня перед коллегами. И теперь он звонит и отчитывает меня за то, что я не оставила им еды.

— Ты хочешь, чтобы я сварила борщ? — переспросила я очень медленно. — Для тебя? И для неё?

— Ну, мы же цивилизованные люди, — в его голосе проскользнули покровительственные нотки. — Зачем эти сцены ревности? Лидочка, кстати, очень хорошо к тебе относится. Она даже сказала, что ты женщина хозяйственная, просто тебе не хватает... лоска. Так что давай без обид. Приезжай сегодня, а? Свари супчик, приберись немного на кухне. А то там гора посуды, у Лиды маникюр, ей нельзя в воде возиться. А я тебе... ну, я тебе разрешу забрать ту старую мультиварку, которую ты просила.

«У Лиды маникюр».

У меня перед глазами всплыли мои собственные руки. Красные, огрубевшие от хлорки и дешевых моющих средств. Со сломанным ногтем. Руки, которые неделю назад отмывали чужую грязь в этой квартире. Руки, которые в то утро судорожно считали мелочь на кассе, чтобы купить ему, Михаилу, слойки к чаю.

И Михаил. Его слова: «А есть и спать его натура не мешала?».

Этот огромный, грубый мужик, который пришел, молча

починил кран, отказался от денег и не побоялся испачкать свои руки в мазуте. И мой «интеллигентный» муж, который боится испортить маникюр своей любовницы.

Внутри меня что-то щелкнуло. Громко, отчетливо. Словно перегорел предохранитель, который двадцать лет сдерживал поток моего самоуважения.

Страх исчез. Исчезло желание угодить. Исчезла даже обида. Осталась только холодная, безгловая ясность.

Я посмотрела на свои дешевые занавески. На солнечный луч, который пробивался сквозь них и падал на чистый пол. Это была моя жизнь. Бедная, трудная, но моя. И я не пушу в неё этот липкий, душный бред.

— Анжела? Ты там уснула? — нетерпеливый голос Леонида вернул меня в реальность. — Я говорю, приезжай часам к пяти, мы как раз вернемся...

— Нет, — сказала я.

Слово упало в тишину, как камень в воду.

— Что «нет»? — не понял он.

— Нет, Леня. Я не приеду. Ни к пяти, ни к шести. Никогда.

— Ты... ты чего это? — он растерялся. — Обиделась, что ли? Ну, Анжела, будь умнее. Я же прошу по-человечески. У меня желудок болит!

— У тебя болит не желудок, Леня, — сказала я. Мой голос звучал твердо, я сама его не узнавала. В нем появились те самые металлические нотки, которые я слышала у Вайноны.

— У тебя болит совесть. Хотя нет, о чем это я... У тебя её вырезали вместе с аппендицитом в восьмом классе.

— Не хаами! — взвизгнул он. — Я муж, в конце концов!

— Бывший муж, — поправила я. — И запомни, Леня. Я больше не твоя кухарка. Не твоя уборщица. И не твоя мамочка. Рецепт борща есть в интернете. Гугл в помощь. А если твоя муза не умеет готовить — пусть вдохновляет тебя сырым тестом. Или святым духом.

— Да как ты смеешь! — он задохнулся от возмущения. — Я тебя... я тебе... Да ты пожалеешь! Ты приползешь ко мне, когда деньги кончатся! Кому ты нужна, старая...

— А ботинки, — перебила я его, наслаждаясь каждым словом, — твои зимние ботинки лежат на антресоли, в коробке из-под пылесоса. Стремянка на балконе. Если не найдешь — попроси Лидочку подсадить. У неё ноги длинные, дотянется.

— Анжела!!!

Я отвела телефон от уха и нажала на красный кружок. Экран погас. Крик Леонида оборвался.

Наступила тишина.

Я стояла посреди кухни, прижимая телефон к груди, и тяжело дышала, словно только что пробежала марафон. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Руки дрожали мелкой дрожью.

Но это была не дрожь страха. Это был адреналин свободы. Я сделала это. Я отказала ему. Впервые за двадцать лет я

не побежала спасать его, не стала извиняться за то, в чем не виновата. Я просто сказала «нет».

И небо не рухнуло на землю. И потолок не обвалился. И солнце за окном продолжало светить, пробиваясь сквозь мои дешевые, но такие белые занавески.

Я медленно выдохнула. Подошла к столу, на котором стояла моя кружка с недопитым кофе. Кофе совсем остыл, но мне было все равно.

Я снова разблокировала телефон. Открыла список контактов.

«Любимый».

Я нажала «Изменить». Пальцы порхали над клавиатурой легко и быстро. Стереть. Стереть эти семь букв, которые столько лет были ложью.

Я набрала новое имя. Короткое. Честное.

«Бывший».

Нажала «Сохранить».

Затем я зашла в настройки звонка. Мелодия «Вивальди — Времена года (Лето)». Сменить. Я пролистала список стандартных рингтонов. «Радость», «Вступление», «Космос»... Вот. «Без звука».

Идеально.

Я положила телефон на стол экраном вниз. Взяла кружку и подошла к окну.

Во дворе какой-то мужчина в синей куртке возился с мотором старых «Жигулей». Женщина с коляской медленно

брела вдоль дома, что-то рассказывая младенцу. Жизнь шла своим чередом. Обычная, не пафосная, настоящая жизнь.

Я сделала глоток холодного кофе и вдруг улыбнулась. Широко, по-настоящему. Мое отражение в оконном стекле улыбнулось мне в ответ — немного бледное, с темными кругами под глазами, но живое.

Я не знала, что будет завтра. Хватит ли мне денег до зарплаты. Починят ли в подъезде лампочку. Позвонит ли еще раз тот странный медведь-сантехник или исчезнет навсегда.

Но я знала одно: сегодня я варить борщ не буду. Сегодня у меня на обед свобода. И слойки с джемом, если я решусь снова дойти до магазина.

А может, и решусь. В конце концов, я теперь сама себе хозяйка.

Глава 11. Диета для музы (Леонид)

от лица Леонида

«Гугл в помощь», значит?

Я с силой отшвырнул телефон на диван. Смартфон спружинил от подушки, пролетел через всю комнату и с глухим стуком улетел под стол, но мне было плевать. В ушах всё еще звенел этот новый, незнакомый голос Анжелы — холодный, надменный, словно она внезапно возомнила себя английской королевой, а не регистраторшей из заштатного ЗАГСа.

Каков пафос! «Рецепт борща есть в интернете».

Я зашагал по гостиной нашей двухкомнатной квартиры, за которую, между прочим, еще три года платить ипотеку. Ногой я задел пустую коробку из-под вчерашней пиццы. Она с шуршанием отлетела к шкафу, открыв вид на липкое пятно на паркете. Пятно было несвежим, кажется, Лидочка пролила там сок еще позавчера, но вытереть его было некому.

Двадцать лет. Двадцать лет я лепил из этой женщины человека! Я приобщал Анжелу к искусству, водил на свои выставки, терпел её мещанские замашки и вечные разговоры о скидках на чистящие средства. Я был её билетом в мир прекрасного! И вот она — благодарность. В самый сложный для меня момент, когда творческий кризис вцепился в горло, когда молодая муза требует внимания и энергии, Анжела решила показать характер.

Мало того, что она бросила меня одного в этой бытовой пустыне, так еще и сегодня подставила под штраф. Если бы я сам не вспомнил про этот чертов ящик под сиденьем, этот гаишник точно бы выписал мне по полной программе. Подумать только, полчаса унижений на обочине, на ледяном ветру, и всё из-за того, что бывшая жена не соизволила вовремя доложить, куда она перепрятала документы!

— Ну и сиди там, в своей хрущобе! Гни среди бабушкиных сундуков! — крикнул я в пустоту, хотя понимал, что выгляжу глупо.

Раздражение зудело под кожей, требуя выхода. Я прошел на кухню, надеясь найти хоть что-то съедобное, чтобы унять дрожь в руках, но замер на пороге.

Картина была эпическая. На плите, в моей любимой тефлоновой кастрюле, стояло то самое «нечто», которое Лидочка гордо назвала пельменями. Серое, разбухшее, слипшееся в один бесформенный ком тесто, плавающее в мутной воде. Оно уже успело остыть и подернуться тонкой, желтоватой пленкой жира. Запах стоял соответствующий — дешевой столовки и полной кулинарной безнадёги. Рядом, на столешнице, сиротливо валялся вскрытый пакет из-под молока, которое явно решило стать творогом прямо в упаковке, не дожидаясь кулинарных шедевров.

Я поморщился. В животе предательски заурчало, напоминая, что за весь день я перехватил только один сомнительный чебурек возле ГАИ.

Где-то в глубине сознания, как назло, всплыл образ субботнего утра с Анжелой. Тихий, успокаивающий шорох на кухне, запах свежих сырников с ванилью, аккуратно нарезанный лимон в прозрачной сахарнице. Анжела всегда знала, как сделать так, чтобы быт был... незаметным. Словно всё происходило само собой: чистые, пахнущие кондиционером рубашки материализовались в шкафу, пол сиял без лишних напоминаний, а в холодильнике всегда находился сочный кусок домашней буженины или хотя бы тарелка свежего салата.

«Это была её прямая обязанность, — жестко оборвал я себя, стараясь вытравить образ уютного дома. — Она — приземленная женщина, это её стихия, её потолок. А я художник. Я не должен забивать свою голову мыслями о том, откуда в доме берется чистая посуда или туалетная бумага!»

Кстати, о бумаге. Она, как назло, закончилась еще вчера вечером. И Лидочка, моя прекрасная, воздушная Лидочка, даже не подумала об этом позаботиться. Она просто констатировала факт, когда я был в душе: «Зай, у нас закончились бумажки, купи по дороге, ладно?».

Я сел на табурет, который почему-то стал липким и неприятным на ощупь. Взгляд невольно упал на раковину. Гора посуды росла с геометрической прогрессией. Лида искренне, со всей страстью юности считала, что мыть тарелки — это «убивать свою женскую энергию и портить ауру». К тому же, сегодня утром она заявила, что только что обновила маникюр, и контакт с водой для неё — это просто преступле-

ние против красоты. «Лёнчик, ну посмотри на эти пальчики, разве они созданы для жирных сковородок?» — ворковала она, и я, дурак, согласно кивал, целуя её ладони.

Теперь эти «пальчики» вместе с их обладательницей заперлись в спальне, а я сидел среди завалов грязного фарфора.

— Зай! Ну ты скоро? Я уже почти готова!

Голос Лидии донесся из спальни — капризный, тягучий, как липовый мед.

Я вздохнул и пополз под стол за телефоном. Нужно было проверить баланс. В конце концов, если дома есть решительно нечего, апельменный ком в кастрюле вызывает только рвотный рефлекс, придется снова заказывать доставку. Хотя цифры в банковском приложении в последние дни радовали меня всё меньше и меньше.

Я открыл историю транзакций и почувствовал, как в висках начинает пульсировать знакомая, тяжелая боль.

«Urban Brew — 1800 р.», «Такси «Престиж» — 650 р.», «Л'Этуаль — 4200 р.», «Доставка суши — 3100 р.»...

И это только за последние два дня! А ведь была еще та покупка в бутике нижнего белья, которую Лида назвала «инвестицией в моё вдохновение». Инвестиция обошлась мне в восемь тысяч, а вдохновение так и не пришло, заваленное горой неоплаченных счетов за ипотеку.

— Лида! — позвал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и по-мужски, а не испуганно-дребезжаще. — Лида,

зайди сюда на минуту, пожалуйста.

Она появилась в дверном проеме через мгновение. Моя муза. Мое наказание. В коротеньком шелковом халатике Анжелы (который, надо признать, сидел на Лиде в сто раз соблазнительнее, хоть и был ей явно велик в плечах), с растрепанными иссиня-черными волосами. Она выглядела как нимфа, которая по какой-то нелепой ошибке застряла в интерьерах типовой квартиры спального района.

— Что такое, милый? — она надула губки, не отрываясь от экрана своего новенького смартфона. — Ты видел, какой сегодня свет? Облака просто потрясающие! Идеально для той фотосессии на балконе, которую мы планировали. Ты обещал снимать меня в том комплекте с кружевами. Помнишь?

— Помню, — я с силой потер лоб, пытаюсь сосредоточиться. — Лид, послушай меня... Мы за эту неделю потратили почти сорок тысяч. Сорок штук, понимаешь? Мы за месяц с Анжелой столько не тратили на всё про всё!

Она наконец оторвалась от телефона и удивленно моргнула. Её огромные, подведенные тушью глаза наполнились таким искренним непониманием, что я на секунду почувствовал себя последним жлобом.

— И что? Это же на жизнь, зай. Нам же надо что-то кушать? И мне жизненно нужен был тот крем с улитками, ты же видел, как у меня кожа зашелушилась от этой вашей воды. Тут просто чудовищная вода, Лёня! Она убивает мою красо-

ту. Нам нужно купить дорогую систему фильтров. Или давай заказывать воду в бутылках из альпийских источников?

— Лида, у меня сейчас нет крупных заказов, — я попытался перейти на шепот, хотя внутри всё клокотало от ярости. — Тот проект с рекламной кампанией мебельного центра сорвался, они в последний момент выбрали какого-то пацана с зеркалкой за копейки. Сейчас межсезонье, понимаешь? Глухо. Нужно немного... поумерить аппетиты. Нам обоим.

Лида замерла. Её лицо, еще секунду назад такое нежное, кукольное и податливое, вдруг стало жестким и чужим. Красивые губы превратились в тонкую, злую линию.

— Поумерить аппетиты? — переспросила она ледяным, звенящим тоном. — То есть ты сейчас хочешь сказать, что я слишком много ем? Или что я не заслуживаю нормального ухода за лицом? Может, мне начать умываться хозяйственным мылом, как твоя бывшая?

— Я этого не говорил...

— Нет, ты именно это и сказал! — она топнула ногой, и этот жест, который раньше казался мне бесконечно милым, сейчас вызвал лишь глухое раздражение. — Ты обещал мне сказку, Леонид! Ты клялся, что Ангела тебя душила своей вечной экономией на спичках, что ты хочешь жить на полную катушку, дышать полной грудью! Ты звал меня сюда, соловьем заливался, что ты — успешный, востребованный художник! А теперь что? Я должна сидеть в этом бардаке,

считать копейки и давиться этими ужасными пельменями из пачки по акции?

Она указала на кастрюлю с таким безграничным отвращением, будто там лежала не еда, адохлая крыса.

— Лид, просто сейчас такой момент... временные трудности.

— Знаешь что? — она вскинула подбородок, в её глазах блеснули злые слезы. — У моей подружки Светки парень — обычный менеджер по продажам в автосалоне. Никакой не гений, не фотохудожник. Но он возит её в «Панормаму» каждую субботу. У них всегда свежие цветы в доме и полная корзина деликатесов. А ты... ты даже не можешь организовать нам нормальный ужин сегодня! У меня сегодня депрессия, Лёня. Настоящая, клиническая депрессия от этого серого неба и твоих упреков. Мне нужно срочно сменить обстановку. Я хочу в «Панораму». Прямо сейчас.

Она развернулась на своих стройных ножках и упорхнула в спальню, на ходу бросив:

— И не подходи ко мне, пока не придумаешь, как исправить ситуацию. Я не собираюсь кинуть в этой грязной дыре, пока ты ноешь из-за пары тысяч!

Дверь спальни захлопнулась с таким демонстративным грохотом, что в кухонном шкафу жалобно звякнули тарелки.

Я остался один. Тишина в кухне стала невыносимой, прерываемой лишь мерным, сводящим с ума кап-кап из старого крана. «Ангела бы уже давно вызвала сантехника и вынесла

бы ему мозг, но починила бы эту течь», — мелькнула предательская мысль, и я тут же разозлился на себя за это сравнение. Я свободный человек! Я не должен сравнивать молодую нимфу с бывшей женой-функцией!

Я прошел к окну. Во дворе серый ноябрьский вечер медленно, но верно затягивал город в свои липкие, холодные объятия. Люди спешили домой с работы, прижимая к себе пакеты с продуктами. Спешили к своим борщам, уютным тапочкам и предсказуемым телешоу. Мещанство. Серость. Болото.

Но в животе снова заурчало, напоминая, что «высокое искусство» и «полеты духа» никак не заменяют калорий в организме.

Я вспомнил сегодняшний разговор с Анжелой. Её отказ. Это было так... нетипично. За двадцать лет она ни разу не сказала «нет», если дело касалось моего комфорта или моих просьб. Она была как воздух — абсолютно незаметная, пока она есть, но жизненно необходимая. И теперь, когда я решил сменить этот привычный, слегка застоявшийся кислород на искристый озон новой любви, оказалось, что озон стоит безумных денег.

Я открыл верхний шкафчик над плитой. Там, за пыльной банкой с застарелым геркулесом, которую Анжела хранила «на всякий случай для диеты», стояла старая жестяная коробка из-под элитного чая. Моя заправка. Мой личный «фонд спасения гения».

Я достал коробку, чувствуя её приятную тяжесть. Внутри лежала аккуратная пачка купюр, перетянутая тугой банковской резинкой. Пятьдесят тысяч. Это были деньги, которые я по крупицам откладывал последние полгода. Деньги на новый объектив серии L с красным ободком, о котором я грезил в своих самых смелых снах. Мой старый 24-70 начал безбожно «мылить» по краям, автофокус тупил, и для серьезной, по-настоящему творческой работы мне жизненно необходимо было это обновление. Это была инвестиция в моё профессиональное будущее. В мой статус. В моё имя.

Я смотрел на эти деньги. Пятьдесят тысяч рублей — это всего лишь десять ужинов в «Панораме» с вином и десертом. Или один объектив, который прослужит мне годы.

Из спальни донеслись звуки музыки. Лида включила какой-то современный лаундж на полную громкость, от этих басов у меня всегда начинала ныть переносица. Она явно ждала. Ждала, когда я приду извиняться. Ждала, когда я подтвержу свой статус «Маэстро».

Если я сейчас не поведу её в ресторан, завтра она соберет свой розовый чемодан. Я видел это в её глазах — там нет места пониманию или сочувствию к трудностям. Лидия пришла не к человеку по имени Леонид, сорокатрехлетнему мужчине с начинающейся лысиной и кучей бытовых проблем. Она пришла к «Великому Фотографу», к свободному творцу, который парит над реальностью и щелкает пальцами, исполняя любые желания.

А если она уйдет?

Холод прошиб меня до самых костей. Что тогда? Вернуться к Анжеле? Признать поражение перед женщиной в синем костюме? Слушать её молчаливое, всепрощающее «я же говорила»? Нет, лучше сразу в петлю. Это будет крах всего. Моего имиджа, моей новой жизни, моей гордости.

Я решительно сорвал резинку с пачки. Пальцы немного дрожали, когда я отсчитывал пять купюр по пять тысяч. Пятая часть объектива. Считай, передняя линза.

— Это временная мера, — прошептал я, стараясь не смотреть на то, как похудела пачка. — На следующей неделе точно выстрелит какой-нибудь жирный заказ. Сниму какую-нибудь пафосную свадьбу в загородном клубе, отобью эти крохи за один вечер. Я же профи.

Я засунул деньги в глубокий карман джинсов и решительно, чеканя шаг, направился к спальне.

Дверь поддавалась легко. Лида лежала на кровати поверх покрывала, уткнувшись в свой телефон. Голубоватый свет от экрана подчеркивал её безупречный профиль и изгиб шеи. Она даже не повернула головы на звук открывшейся двери.

— Собирайся, Муза, — я постарался придать своему голосу максимум уверенности, глубины и бархатистости. — Я забронировал наш любимый столик в «Панораме» на восемь. Хватит хандрить, нам обоим нужно встряхнуться и глотнуть немного роскоши.

Лида медленно, словно нехотя, повернула голову. На её

губах, накрашенных ярким блеском, заиграла та самая торжествующая, хищная улыбка, ради которой я был готов продать не только объектив, но и почку.

— Правда? — она вскочила с кровати одним гибким движением, обхватив меня за шею тонкими руками. От неё пахло Анжелиным кремом для тела с ароматом персика, но сейчас это не имело никакого значения. — Ой, Лёнчик, ты просто лучший! Я знала, знала, что ты что-нибудь придумаешь. Я надену то черное платье с умопомрачительным вырезом на спине, которое мы видели в витрине в среду, помнишь? Ты обещал, что оно будет на мне.

— Помню, конечно, — соврал я, прижимая её к себе и чувствуя, как тает моё раздражение.

В голове тем временем быстро и безжалостно заработал калькулятор. Платье — это еще минус десять тысяч из коробки. Плюс ужин. Плюс такси «бизнес-класса» туда и обратно. Плюс хорошее вино, Лида не пьет дешевое.

Заначка на объектив таяла прямо на глазах, превращаясь в призрачные, эфемерные моменты «красивой жизни», которые нельзя было вставить в камеру.

— Только давай быстро, ладно? — я поцеловал её в ароматную макушку. — Не хочу опоздать к закату, из «Панорамы» сегодня должен быть лучший вид на город. Сделаем тебе потрясающие кадры для блога.

Лидия упорхнула в ванную, а я остался стоять посреди нашей спальни. Мой взгляд случайно упал на комод. Там,

под толстым слоем хаотично разбросанной косметики Лиды, виднелся знакомый край деревянной рамки. Наша с Анжелой фотография из Праги, десятилетней давности. Мы там такие... обычные. Смешные. Счастливые какой-то тихой, скучной, предсказуемой радостью.

Я резким движением схватил рамку и сунул её в самый нижний ящик комода, завалив горой своих старых носков и каких-то проводов.

«Прошное должно оставаться в прошлом, — подумал я, вытирая руки о джинсы. — Настоящий художник должен смотреть только вперед, в сияющее будущее. Ностальгия — это яд для творчества».

Пока Лида плескалась в душе, расходуя литры горячей воды (счет за которую в конце месяца меня явно не обрадует), я вернулся на кухню. Немытая посуда вызывала почти физическую боль. Пельменный ком в кастрюле выглядел как немой, застывший упрек моей новой жизни. Я не выдержал, схватил первое попавшееся под руку грязное полотенце и просто накрыл им гору тарелок в раковине. С глаз долой — из сердца вон. Так проще. Так... эстетичнее.

Надо будет завтра всё-таки переступить через себя и позвонить Стасу. У него вроде намечался какой-то нудный проект по технической съемке мебели для каталога нового ТЦ. Придется наступить на горло собственной песне и полдня снимать шкафы-купе и кухонные гарнитуры. Деньги нужны позарез, а амбиции... амбиции подождут до лучших

времен.

— Зай, а ты не видел мои новые колготки? Ну, те, в мелкую сеточку! Я их точно здесь оставляла! — донесся капризный крик Лиды из ванной.

— Посмотри в верхнем ящике, под шарфами! — отозвался я, натягивая свой лучший пиджак из тонкой шерсти.

Пиджак в этот раз сел на меня как-то подозрительно плотно, особенно в районе пуговицы. Кажется, отсутствие сбалансированных домашних обедов Анжелы и вынужденный переход на вечернюю пиццу и фастфуд начали сказываться на моей талии быстрее, чем я предполагал. Или это просто нервный отек от стресса.

Я подошел к большому зеркалу в прихожей. Тщательно поправил клетчатый шарф. Внимательно, критически осмотрел свое отражение.

Ну, в целом, еще вполне ничего. Солидно. Лысина почти незаметна под этим мягким светом, а мелкие морщинки у глаз даже добавляют мне некой «интеллектуальной опытности». Я выгляжу как человек, у которого всё под абсолютным контролем.

Лида вышла из ванной — сияющая, обновленная, пахнущая целым облаком дорогих духов. Это был «Chanel», подарок Анжеле от профсоюза на прошлый день рождения, который Лида «случайно» нашла в глубине шкафа. В этом черном платье она выглядела на миллион. Или, по крайней мере, на всю мою оставшуюся заначку.

— Ну как я тебе? Скажи честно! — она кокетливо покрутилась перед зеркалом, демонстрируя вырез на спине.

— Ты великолепна, — искренне выдохнул я. — Идем? Нас заждались.

Мы вышли из квартиры. Я привычно закрыл дверь на все три замка, словно этим движением пытался окончательно отгородиться от того хаоса, который остался внутри. От гор грязной посуды, от вонючих пельменей, от запаха прокисшего молока и гнетущей тишины.

На лестничной площадке мы столкнулись нос к носу с соседкой, тетей Вале́й. Она как раз выставляла пакет с мусором. Увидев нас в таком парадном виде, она замерла, неодобрительно поджав губы. Её колючий взгляд прошёл Лиду насквозь — от вызывающе короткого подола до ярко-алой помады.

— Добрый вечер, Валентина Петровна, — вежливо, с легким поклоном кивнул я.

Она ничего не ответила. Только громко, на весь подъезд фыркнула и демонстративно захлопнула свою дверь, даже не поздоровавшись.

«Старая, завистливая перечница, — зло подумал я, раздраженно нажимая кнопку лифта. — Сидит в своих пыльных коврах десятилетней давности и не может пережить, что у кого-то жизнь бьет ключом. Мещанство в чистом виде».

В лифте Лида капризно прижалась ко мне, обдав ароматом «Шанели».

— Лёнь, ну почему она на меня так посмотрела? Как на какую-то преступницу. Твои соседи меня просто ненавидят, да? Я это чувствую кожей!

— Глупости, малыш. Не бери в голову. Они просто... слишком консервативные, ограниченные люди. Старая закалка. Не обращай внимания на тени из прошлого. Главное — это мы. Наш мир. Наше будущее. Наше творчество.

Лифт с натужным скрипом дернулся и медленно пополз вниз.

Я смотрел на сменяющиеся цифры этажей и невольно думал о том, что через пару часов мне придется небрежным жестом оплачивать внушительный счет в «Панораме». Пять-семь тысяч за один вечер иллюзии абсолютного счастья.

Но когда Лида посмотрела на меня своими огромными, сияющими глазами, в которых отражалось восхищение «гением», все мои сомнения отпали.

«Анжела просто никогда не понимала масштаба моей личности, — убеждал я себя, чувствуя прилив сил. — Она слишком приземленная, слишком прозаичная, чтобы оценить этот высокий полет. Она живет скучными категориями «надо» и «правильно», а я живу категориями «хочу» и «прекрасно». И если за это прекрасное нужно платить заначкой на новый объектив — значит, такова цена моей свободы».

Такси «бизнес-класса» уже ждало у подъезда. Яркие желтые огни машины в ноябрьской сырости казались огнями спасательного маяка.

Мы устроились на заднем сиденье. Лида тут же, не теряя ни секунды, достала телефон и начала записывать сторис.

— Привет, мои дорогие котики! — защебетала она в камеру своим самым очаровательным голосом, картинно поправляя прядь волос. — Мы с моим гением решили, что сегодня — идеальный вечер, чтобы праздновать... саму жизнь! Сегодня нас ждет «Панорама». Ждите много-много красивых фоточек и сторис! Люблю вас!

Она рывком притянула меня к себе, заставляя попасть в кадр. Я натянул свою самую «творческую», слегка усталую, но победоносную улыбку. Щелчок — и мы уже в сети. Счастливые, успешные, абсолютно свободные от бытовых оков.

И никто, глядя на это глянцевое фото, никогда не узнает, что у «гения» в кармане — последние деньги из заначки, а дома, под грязным полотенцем в раковине, гниет гора посуды и надежда на новый объектив.

Машина плавно тронулась с места. Я смотрел в окно на расплывающиеся огни города, на серые коробки домов, на спешащие мимо троллейбусы, и чувствовал странную, гремучую смесь торжества и глухой, затаенной тревоги.

Где-то там, в другом конце этого города, в своей пыльной хрущобе Анжела, наверное, сейчас пьет свой дешевый чай и злорадно думает о том, как я страдаю без её опеки и борща. Ха! Видела бы она меня сейчас. Видела бы она эту роскошную, молодую женщину рядом со мной, этот блеск, этот драйв, этот масштаб.

Я незаметно достал телефон и еще раз открыл нашу последнюю переписку. Рука сама, против воли, потянулась написать что-нибудь едкое, хлесткое. Вроде: «Борщ из интернета — это забавная идея для неудачников, Анжела. Но в «Панораме» готовят куда изысканнее. Привет из мира, который тебе никогда не будет доступен».

Но в последний момент я сдержался. Настоящий художник должен быть выше мелких, суетных обид. Мой успех — это лучший ответ на её холодность.

— Зай, ну ты чего опять такой серьезный? — Лида нежно коснулась моей щеки. — Опять великие проекты в голове? Расслабься! Сегодня — только мы. И никакого негатива.

— Ты абсолютно права, — я перехватил её ладонь и поцеловал тонкие пальцы. — Сегодня только мы.

Такси плавно вильнуло, выезжая на залитый огнями центральный проспект. Впереди, пронзая небо, сиял огнями деловой центр, на самом верху которого располагался ресторан.

Я на секунду закрыл глаза, пытаюсь окончательно отогнать образ пятитысячных купюр, бесследно исчезающих в бездонном кармане официанта.

«Завтра, — твердо пообещал я себе. — Завтра я обязательно, первым делом позвоню Стасу. Или даже сам поеду в ту газету, где искали репортерщика на светскую хронику. Плевать на высокие амбиции. Музе нужно золото. А художнику... художнику нужно, чтобы его Муза улыбалась».

Машина мягко затормозила у сверкающего стеклом и металлом входа. Швейцар в шикарной ливрее почтительно распахнул дверь.

Мы вышли в холодный ноябрьский воздух, но я его почти не чувствовал. Я чувствовал только азарт. Азарт игрока, который поставил на кон всё, что у него было, и теперь с замиранием сердца ждет своего выигрыша.

Лида крепко взяла меня под руку, и мы направились к скоростному лифту, который должен был поднять нас на самую вершину. Туда, где нет никаких Ангел, нет грязных кастрюль и нет удушающей реальности. Только вид на ночной город, дорогое вино и бесконечное, пьянящее «хочу».

— Идем, мой гений? — шепнула Лида, глядя на меня с обожанием.

— Идем, — ответил я, расправляя плечи.

И мы шагнули в сияющее, зеркальное нутро лифта, оставляя землю далеко внизу. Вместе с остатками совести, здравым смыслом и призрачной надеждой на новый профессиональный объектив.

Ничего. Ангела остынет. Куда она денется в свои сорок с лишним лет? Помыкается и приползет, как миленькая. А пока — пусть смотрит мои сторис. Пусть видит, как живут настоящие, свободные люди.

Двери лифта бесшумно закрылись, отсекая нас от всего мира.

Я улыбнулся своему безупречному отражению в зеркале.

«Всё под полным контролем, Леонид. Всё под полным контролем».

Глава 12. Работа над ошибками

Оказывается, у свободы есть вполне конкретный вес. Примерно сорок килограммов мертвого груза из старого ДСП, покрытого потрескавшимся советским лаком.

Я стояла в спальне, упершись плечом в секцию бабушкиной «стенки», и тяжело, со свистом дышала. Шкаф сопротивлялся. Он словно врос в этот линолеум еще в середине восьмидесятых и не собирался уступать какой-то там разведке в порванных домашних штанах и со спутанным пучком на голове.

Мне жизненно необходимо было добраться до розетки. Она пряталась за глухой задней стенкой шкафа и с самого утра вела себя подозрительно. Издавала сухое, неприятное «цэк-цэк» и слабо, но отчетливо пахла паленой пластмассой. Ждать было нельзя — перспектива сгореть в первый же полноценный выходной в этой квартире меня не прельщала.

— Ну же, родной, — прошептала я, вытирая липкий пот со лба. — Поднажми еще чуть-чуть.

В голове услужливым, ядовитым эхом отозвался голос Леонида: «Ангела, бога ради, не смей трогать мебель! Ты же ходячая катастрофа. Свернешь петли, исцарапаешь пол, а мне потом исправлять. Жди, когда я освобожусь от творческих задач».

Я ждала. Пять лет ждала, когда он освободится, чтобы пе-

реставить этот шкаф. Потом еще пять — чтобы просто починить ту самую розетку. В итоге он действительно освобо-
дился. Совсем. От меня, от быта, от этой квартиры и от всех
своих обещаний сразу.

Я уперлась ногами в пол, чувствуя, как до предела на-
пряглись мышцы бедер. Скрежет. На миллиметр. Еще на
один. Пыль, дремавшая десятилетиями под днищем секции,
взметнулась в воздух серым удушливым облаком. Я закаш-
лялась, чувствуя, как она скрипит на зубах, но позиций не
сдала.

В какой-то момент шкаф неожиданно легко поддался. Он
дернулся, поехал в сторону по натертому линолеуму, но из-
за неровности пола предательски накренился вперед.

— Нет, нет, нет! — вскрикнула я, пытаюсь перехватить
его и подпереть руками.

Всё произошло в считанные секунды. Тяжелая антресоль-
ная полка, которую я поленилась освободить от старых книг,
не выдержала резкого наклона. Она соскользнула с разох-
шихся пазов и с оглушительным, пушечным грохотом рух-
нула вниз.

Удар пришелся по касательной, но этого хватило. Сначала
полка врезалась в край табуретки, на которой я только что
балансировала, а потом обрушилась мне прямо на колено.

Я не успела испугаться. Просто в какой-то момент реаль-
ность рассыпалась на куски, и я обнаружила себя сидящей на
полу в облаке пыли и мелкой древесной трухи. А мир вокруг

наполнился пульсирующей, ослепляющей болью.

Я смотрела на свою ногу, не веря глазам. Домашние трикотажные штаны лопнули на колене, и сквозь рваную дыру быстро проступала густая, темная кровь. Табуретка валялась рядом, задрав ножки, как подбитое насекомое.

— Дура, — сказала я в пустоту комнаты. Голос сорвался на жалкий всхлип. — Какая же ты дура, Анжела. Сапожник без сапог. Регистратор без мозгов.

Я прижала ладонь к ране, пытаюсь остановить кровь. Боль была горячей, пульсирующей и какой-то издевательской. Она словно насмеялась надо мной. «Смотри, — шептала она. — Вот цена твоей хваленной самостоятельности. Ты даже шкаф не можешь передвинуть, чтобы не покалечиться и не развалить дом окончательно».

Я сидела в вековой пыли, окруженная обломками своей новой, такой неуклюжей жизни, и впервые за эти дни почувствовала настоящий, черный страх. Не перед Леонидом. Не перед разделом имущества. А перед собственной тотальной беспомощностью в этом мире вещей.

Минуту я просто раскачивалась из стороны в сторону, глотая соленые слезы. Колено ныло всё сильнее, в глазах темнело. Нужно было встать, найти антисептик, что-то решить с розеткой, которая теперь оголилась и продолжала зловеще потрескивать в тишине.

Я дотянулась до телефона, который чудом остался лежать на подоконнике. Пальцы дрожали так сильно, что я едва не

выронила его. Экран был заляпан пылью и грязью.

Первым порывом было набрать Вайнону. Просто чтобы не быть одной в этом кошмаре.

— Катышкова? Ты чего сопишь в трубку, как старый паровоз? — Вайнона ответила мгновенно, на фоне слышался шум телевизора. — Опять своего лысого в соцсетях выслеживаешь? Брось эту гадость, я тебе сто раз говорила: от этого только морщины и изжога.

— Вайнона, я шкаф на себя уронила, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не сорвался на вой. — И колено... кажется, я его разбила в мясо. Потолок скоро рухнет, розетка горит...

— Господи, Ангела! Ты там живая вообще? — голос подруги мгновенно сменил регистр на командный. — Ничего не трогай! Слышишь? Руки прочь от проводов! Сиди ровно на попе, я сейчас Мише наберу. Он как раз где-то в твоём районе должен быть по делам.

— Какому Мише? Вайнона, не надо! — я вспомнила наш утренний холодный прощальный диалог. — Он пару часов назад ушел отсюда в таком настроении... я и так перед ним как в луже стою. Подумает, что я специально всё ломаю, чтобы его вызвать.

— Плевать, что он подумает! — рявкнула Вайнона. — Он когда утром уходил, мне позвонил, сказал, что розетка у тебя подозрительная, но ты его выставила раньше, чем он инструмент достал. Так что он сам виноват, не дождал. Жди, он

через десять минут будет.

Она отключилась прежде, чем я успела возразить. Я осталась сидеть на полу, чувствуя, как кровь начинает подсыхать, стягивая кожу неприятной коркой. Я осторожно попыталась вытянуть ногу. Вроде не перелом, связки целы, но вид был по-настоящему жалкий.

Михаил приехал даже быстрее, чем я ожидала. Я едва успела поползти до ванной на четвереньках и кое-как смыть грязь и слезы с лица. Когда раздался знакомый, весомый и тяжелый стук в дверь, я замерла у косяка, пытаюсь придать себе хоть сколько-нибудь достойный вид.

Я открыла дверь, судорожно вцепившись пальцами в ручку, чтобы не упасть.

Михаил стоял на пороге в своей неизменной темной рабочей куртке. В руках — всё тот же массивный синий ящик. Он окинул меня коротким, тяжелым взглядом, задержался на разорванном колене и моей бледности. Его лицо осталось привычно непроницаемым, высеченным из камня, но в серых глазах, похожих на предгрозовое небо, на мгновение промелькнула тень беспокойства.

— Ну, здравствуйте снова, — буркнул он, проходя в прихожую. — Недолго же вы продержались в режиме «я сама». Показывайте поле боя. Где тут у вас жертвы и разрушения?

Он прошел в комнату, даже не дожидаясь приглашения, словно уже имел на это право. Увидел накренившийся шкаф, рухнувшую полку и обнаженную розетку.

— Сама, значит, — констатировал он, ставя ящик на пол с тяжелым лязгом. — Решила, что тридцать лет моего опыта в стройке — это так, для красоты, а ты сейчас одним энтузиазмом горы свернешь?

Я молчала, прислонившись к дверному косяку. Было невыносимо, до жгучих слез стыдно. Хотелось провалиться сквозь этот старый линолеум.

— Сядьте, Анжела Викторовна, — приказал он. Не попросил, не предложил, а именно приказал, не терпящим возражений тоном.

Он подтащил уцелевший стул, усадил меня в него почти насильно. Потом достал из ящика бутылку антисептика, бинт и какую-то чистую ветошь.

— Сейчас будет щипать. Терпите, — Михаил присел на корточки прямо передо мной.

Я смотрела на его затылок с жесткими, коротко стриженными волосами. Его пальцы, такие грубые, огромные и мозолистые, касались моей кожи с какой-то невероятной, почти ювелирной осторожностью. Он обработал рану, ловко наклеил широкий пластырь.

— Жить будете, — заключил он, поднимаясь и вытирая руки. — Теперь к настоящему делу.

Он подошел к розетке, щелкнул каким-то тестером, который вытащил из кармана куртки.

— Искрыло? — коротко спросил он.

— Да. И пахло... горелым.

— Контакты почти выгорели, — он покачал головой. — Еще полчаса вашего упрямства — и праздновали бы тут «новоселье» с пожарными. Хорошо, что полезли. Плохо, что без понимания процесса.

Он достал набор отверток и молча принялся за работу. В комнате установилась тишина, нарушаемая только тихим лязгом металла и его тяжелым дыханием. Я наблюдала за его спиной. Широкая, как гранитная стена, она вселяла какое-то странное чувство безопасности, которого я не ощущала годами.

Утром он ушел, обвинив меня в фальши и лицемерии. Весь последний час я только и делала, что прокручивала этот разговор в голове, злясь и на него, и на себя.

— Михаил... — начала я негромко. Мой голос в тишине комнаты прозвучал робко.

— Гм? — не поворачиваясь, отозвался он.

— Простите меня за утро. Про ЗАГС. Вы во многом правы... Наверное, я действительно привыкла улыбаться там, где нужно плакать.

Он перестал крутить винт. Замер на секунду, плечи его чуть опустились. Затем он медленно повернулся ко мне. В его взгляде больше не было той колючей злости. Только глубокая, застарелая усталость человека, который привык разгребать чужие руины.

— Я не про вас лично, Анжела, — сказал он сухим, каким-то надтреснутым голосом. — Я про всю эту систему. Ко-

гда люди сначала тратят миллионы на фальшивое счастье в блестящей обертке, а потом, спустя полгода, приходят ко мне и просят разделить одну раковину на два крана, потому что видеть друг друга не могут. А вы там стоите, в этом ЗАГСе, и продолжаете петь про вечность. Будто не замечаете, как они уже в зале регистраций друг друга взглядами режут.

— Я замечаю, — я опустила голову, разглядывая свои сцепленные пальцы. — Поверьте, я всё замечаю. И иногда мне хочется просто захлопнуть папку и сказать: «Идите домой, ребята, вы совершаете огромную ошибку». Но я не имею права. У меня должностная инструкция. И стандартная речь номер семь. О двух половинках, которые обрели целое.

Михаил неожиданно коротко хмыкнул. Он вернулся к розетке, затянул последний зажим и с щелчком захлопнул крышку.

— Всё. Больше не загорится, я там всё зачистил. Теперь займемся вашим «музейным экспонатом».

Он подошел к рухнувшей секции шкафа. Одним мощным движением, почти не меняясь в лице, он поднял ту самую тяжеленную полку, которую я не могла даже сдвинуть с места.

— Петли вырвало с мясом, — он брезгливо осмотрел рваные края ДСП. — Материал старый, труха. Обычные гвозди тут бесполезны, только добьете дерево. Нужны уголки и сквозные болты.

— У меня нет никаких болтов, Михаил, — растерянно

проговорила я.

— У меня есть, — он кивнул на свой ящик. — Я когда утром от вас уходил, заметил, что стенка эта дышит на ладан. Заехал на склад, взял инструмент помощнее и комплект фурнитуры. Знал, что вы полезете её двигать, не дожидетесь помощи. Упрямство — это у вас, видимо, профессиональное.

Он работал еще полчаса. Я сидела на стуле, чувствуя себя лишней, и смотрела, как под его огромными ладонями буквально оживает старая мебель. Михаил не просто прикрутил полку на место — он укрепил все соединения стальными уголками, подложил шайбы, выровнял ножки, которые десятилетиями стояли криво.

Шкаф перестал жалобно скрипеть. Он встал монолитно, надежно, словно врос в пол заново, но уже правильно.

— Спасибо, — искренне сказала я, когда он начал не спеша собирать инструмент в ящик. — Сколько я вам должна за этот второй, экстренный вызов? Я заплачу, честно.

Михаил выпрямился во весь свой огромный рост. Он посмотрел на меня, потом на мою забинтованную ногу, потом на отмытые до блеска окна.

— Кофе угостите? — вдруг спросил он, и голос его прозвучал почти мягко. — Ноги гудят, я с шести утра на ногах, по объектам мотаюсь.

Я растерялась. Это было так просто и так... нормально. Без пафоса, без подтекста.

— Да, конечно! Пойдемте на кухню.

Я захромала в сторону кухни, стараясь не опираться на больную ногу. В маленьком пространстве кухни Михаил снова занял почти всё место, но теперь это не пугало. Я сварила кофе в старой медной турке, которую отчистила накануне.

Михаил сел за стол, табуретка под ним даже не скрипнула — он садился аккуратно, по-мужски основательно. Он взял чашку, вдохнул густой пар.

— Настоящий, — одобрил он. — Без этих модных капсул и химии. Хороший вкус у вас, Ангела.

Мы сидели в тишине несколько минут. Но это была не та гнетущая тишина, от которой хочется сбежать, закрыв уши. Это было молчание двух взрослых, битых жизнью людей, которые слишком много видели, чтобы тратить воздух на пустые, ни к чему не обязывающие слова.

— Почему вы всё-таки здесь оказались? — вдруг спросил он, глядя в окно на серый двор. — Вайнона говорила, у вас квартира была. В хорошем доме.

— Была, — я горько, сухо усмехнулась. — И формально сейчас есть. Только там теперь «муза» обитает. В коротких шортах и с моими привычками. А я здесь. Начинаю с абсолютного нуля. Оказалось, что в сорок один год «ноль» — это очень тяжелая цифра. Это целая куча бытовых проблем, которые раньше решались сами собой. Или за спиной. А теперь они бьют меня полками по коленям.

Михаил медленно кивнул, отпивая кофе.

— Моя бывшая тоже очень любила... высокие материи. Сказала, что я слишком приземленный. Что от меня вечно пахнет цементной пылью, а ей хочется роз и изысканных бесед. Нашла себе «художника». Ну, теперь они вместе нюхают эти розы. В съемной однушке на окраине. Художник-то оказался плодовитым на обещания, но бесплодным на заработки. Оказалось, розы тоже на что-то покупать надо.

— Значит, мы с вами, Михаил, плывем в похожих лодках? — я посмотрела ему прямо в глаза.

— Лодки у всех разные, Ангела Викторовна, — он поставил пустую чашку на стол. Звук фарфора о клеенку был четким, как точка. — А вот грабли, на которые мы наступаем, — одни на весь мир. Ладно, засиделся я. У меня еще объект в центре не сдан.

Он поднялся, подхватил свой тяжелый ящик. Я проводила его до самой двери, чувствуя странную неохоту расставаться с этим запахом металла и надежности.

— Михаил, — позвала я, когда он уже стоял на лестничной площадке. — Спасибо вам. За всё сразу. И за то, что вернулись.

Он остановился, обернулся через плечо. Его суровое лицо на мгновение осветилось чем-то похожим на скупую улыбку.

— Вы это... колено мазью мажьте, не ленитесь. И больше к мебели не подходите, не ваше это. Если что-то пойдет не так — звоните. Напрямую мне звоните. Нечего Вайнону по пустякам дергать, у неё и так дел выше крыши.

Он ушел, а я осталась стоять в прихожей, прислушиваясь к затихающим шагам. В квартире теперь пахло крепким кофе и свежеспеленным деревом. Шкаф стоял мертво. Розетка молчала.

Я чувствовала какой-то странный, непривычный подъем. Словно я только что сдала важный зачет по предмету «Выживание». Да, я получила травму, да, я совершила глупость, но я не сломалась.

Я вернулась в комнату, осторожно присела на диван, вытянув ногу. Взяла телефон, чтобы написать Вайноне, что «медведь» всё починил.

Экран вспыхнул. И в этот момент на панель уведомлений упало сообщение с официального почтового ящика риелтора. Мы нанимали его вместе с Леонидом неделю назад — тогда я еще надеялась на цивилизованный раздел.

«Ангела Викторовна, добрый день. Леонид Викторович настоял на немедленной публикации объявления о продаже объекта. Он сам подготовил фотосет и описание. Пожалуйста, ознакомьтесь. Если возражений нет, завтра запускаем рекламу».

У меня внутри всё заledenело. «Сам подготовил?» Леонид и его страсть к «авторским кадрам».

Пальцы были ледяными, когда я нажимала на ссылку. Сайт по продаже недвижимости загрузился с издевательской неторопливостью. Заголовок кричал капсом: «ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КВАРТИРА ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ! АВ-

ТОРСКИЙ ДИЗАЙН, АТМОСФЕРА ВДОХНОВЕНИЯ!».

Я начала листать фотографии.

Вот наша гостиная. Свет выставлен идеально, профессионально. Всё выглядит как на обложке глянцевого журнала. Но с каждым новым снимком меня начинало подташнивать.

Я присмотрелась к третьему фото. Кухня. Наша белая кухня, которую я выдраивала до блеска по выходным. На столе — две чашки. И чья-то рука с вызывающим алым маникюром, небрежно лежащая рядом с вазой. Рука Лидии.

Четвертый снимок. Спальня. Наша кровать, застеленная моим новым бельем. Изголовье в художественном расфокусе, но на переднем плане, на тумбочке — женские серьги. Крупные, пошлые кольца, которые Лида носила не снимая.

Пятый снимок был апофеозом его цинизма. Леонид сфотографировал отражение в зеркале прихожей. Там был он сам с камерой, а за его плечом, полуобнаженная, завернутая в мой любимый белый махровый халат, стояла Лидия. Она смеялась, глядя прямо в объектив, обнимая его сзади.

Они не просто продавали квартиру.

Они торговали моей жизнью. Публично. С особым цинизмом.

Леонид выставил наше прошлое на всеобщее обозрение, превратив его в декорации для своей пошлой постановки. Он использовал мой дом, мои вещи, саму память о нашем браке, чтобы подчеркнуть свою новую «страсть».

«Атмосфера вдохновения», — прошептала я, чувствуя,

как к горлу подкатывает горькая тошнота.

В описании значилось: «Квартира наполнена энергией новой любви. Продается в полной комплектации, со всей мебелью и предметами интерьера. Собственник готов к моментальной сделке».

В полной комплектации. С моими шторами. С моей хлебопечкой, которую мне подарила мама. С моим халатом, в котором сейчас позирует эта девица. Он оценил мою двадцатилетнюю жизнь в семь миллионов двести тысяч рублей. Со скидкой за срочность.

Я смотрела на фото Лидии в моем халате и чувствовала, как внутри меня окончательно выгорает всё. Последняя капля жалости к Лёне. Последняя крупница сомнения в правильности моего ухода.

Он не просто предал. Он решил стереть меня как личность. Сделать так, чтобы от Анжелы не осталось даже тени в этих стенах.

Я резко заблокировала телефон. В комнате было тихо, но эта тишина больше не убаюкивала. Она требовала действия. Резкого. Жесткого. Окончательного.

Я посмотрела на свой старый шкаф. На его крепкие, усиленные Михаилом полки. На новые уголки, которые будут держать его, даже если начнется землетрясение.

Раньше я бы зарыдала. Раньше я бы начала звонить мужу, умолять его убрать эти позорные фото, взывать к его совести и приличиям.

Но сейчас я просто медленно встала. Колено отозвалось резкой, кусачей болью, но я даже не поморщилась.

Я подошла к зеркалу в коридоре. Посмотрела на свое бледное, осунувшееся лицо, на пластырь на ноге, на решительный холодный блеск в глазах.

— Хочешь быструю сделку, Лёня? — тихо, одними губами сказала я своему отражению. — Ты её получишь. Только не на твоих условиях. И не по твоей цене.

Я снова взяла телефон и набрала номер адвоката, который мне еще три дня назад дала Вайнона. Того самого, который, по её словам, «раздевает изменников до нитки и заставляет их икать при слове "алименты"».

— Алло, Григорий Александрович? Это Анжела Катышкова. Мы говорили с вами о мирном разделе. Забудьте. Планы поменялись. Я хочу воевать. По самой жесткой программе. Вы говорили, у вас есть стратегия для таких «творцов»? Я готова её выслушать. Прямо сейчас.

Я положила телефон на стол. Экран погас.

В этот вечер я впервые за долгое время не думала о том, что мне сорок один год и я осталась одна в пустой квартире.

Я думала о том, что у меня есть крепко стоящий шкаф, исправная розетка и огромная, жадная воля к жизни, которую я больше никому не позволю выставить на продажу. Тем более в комплекте с моим халатом.

Глава 13. Шерстяной уют

— Лицевая, изнаночная. Лицевая, изнаночная.

Металлический перестук спиц действовал лучше любого успокоительного. Клик-клик. Клик-клик. Этот сухой, ритмичный звук разрезал тишину квартиры на ровные, понятные отрезки времени, в которых не было места ни истерике, ни страху, ни адвокатам.

Я сидела в продавленном кресле, которое подтащила к самому окну, чтобы поймать скудный ноябрьский свет. Моя левая нога, с заклеенным пластырем коленом, покоилась на пуфике, сооруженном из стопки старых журналов и подушки. Двигаться было больно — ушиб ныл, напоминая о вчерашнем фиаско со шкафом, поэтому я выбрала единственно возможную стратегию выживания на это воскресенье: замереть.

В руках у меня был клубок грязно-серой, колючей шерсти. Еще час назад это был уродливый, поеденный молью свитер, который я нашла на самой верхней полке того самого злополучного шкафа. Видимо, он принадлежал деду, а может, и вовсе был куплен бабушкой на каком-то развале «на вырост» или «на черный день». Свитер был ужасен, но пряжа в нем оказалась на удивление крепкой, настоящей, овечьей. Такой, от которой пахнет живым теплом и немного — старым сундуком.

Я распускала его с мстительным удовольствием. Тянула за нить, и бесформенное трикотажное полотно исчезало, превращаясь в тугие, упругие клубки. Это было символично. Я распускала прошлое, чтобы связать из него что-то новое.

— Лицевая, изнаночная...

Пальцы помнили. Они двигались сами собой, вывязывая простую резинку. Я не вязала десять лет. Ровно столько прошло с того дня, когда Леонид, увидев меня со спицами, безглаголиво сморщил нос и выдал:

— Анжела, умоляю, убери это. Ты выглядишь как бабка на завалинке. Этот стук... он убивает во мне всякое влечение. Ты еще платок пуховый на поясицу повяжи для полноты образа. Мы же современные люди, Анжи! Творческие! Вязание — это удел тех, у кого нет денег на нормальные вещи.

Я тогда спрятала спицы. Засунула их в дальний ящик комода, вместе с недовязанным шарфом из дорогого мериносо, который хотела подарить ему на Новый год. Мне стало стыдно. Стыдно за свое «мещанское» хобби, за желание создавать уют руками, а не покупать его в модных бутиках. Я хотела быть достойной женой фотохудожника. Современной. Легкой.

Сейчас я смотрела на свои руки, перебирающие грубую серую нить, и думала: «Господи, какая же я была идиотка».

Я отказалась от части себя, чтобы не раздражать его эстетский взор. А он в итоге променял меня на девушку, кото-

рая не в состоянии даже сварить пельмени, зато, наверное, отлично смотрится в кружевном белье и без спиц в руках.

Клик-клик.

Вчерашний разговор с адвокатом всё еще гудел в голове тревожным фоном. Григорий Александрович оказался мужчиной хватким, с голосом, похожим на скрежет гравия. Он внимательно выслушал мою сбивчивую историю про объявление о продаже, про фото Лидии в моем халате, про кредиты, о которых я, возможно, не знаю.

«Война так война, Анжела Викторовна, — сказал он. — Блокируем счета. Накладываем арест на имущество до суда. Пусть побегает. Вы главное — чеки собирайте. Всё, что найдете. И не ведитесь на его звонки. Он сейчас будет давить на жалость или угрожать. Это агония».

Агония. Страшное слово. Но почему-то оно приносило облегчение. Значит, больно сейчас не только мне.

Телефон, лежавший на подоконнике, молчал. Я отключила звук, но экран всё равно время от времени загорался от спам-рассылок, заставляя сердце вздрагивать. Я всё еще ждала подвоха. Ждала, что Лёня приедет сюда, начнет ломиться в дверь, требовать, обвинять.

Но вместо этого в дверь постучали.

Не звонок (он всё равно не работал), а именно стук. Глухой, весомый, уверенный. Два удара. Пауза. Еще один.

Я замерла, опустив спицы на колени. Леонид так не стучит. Он либо трезвонит, не убирая палец с кнопки, либо ко-

лотит кулаком, как припадочный.

Этот стук был... вежливым. Но настойчивым.

Я с криканием поднялась с кресла. Колено отозвалось тупой болью, но уже не такой острой, как вчера. Шаркая тапочками, я поплелась в коридор.

— Кто? — спросила я, не глядя в глазок.

— Это я. Михаил, — раздался из-за двери знакомый низкий бас.

Я растерялась. Зачем? Он же вчера всё починил. Шкаф стоит, розетка работает, денег он не взял (хотя я пыталась сунуть ему купюры в карман куртки, но он перехватил мою руку с такой скоростью, будто я пыталась его ударить).

Я щелкнула замком.

Михаил стоял на лестничной площадке, занимая собой, казалось, всё пространство. В той же темной куртке, но на этот раз без своего устрашающего ящика. В руках он держал небольшой прозрачный пакет.

От него пахло улицей — мокрым снегом, ветром и бензином. Этот запах ворвался в мою душную, пахнущую пылью и шерстью квартиру, как глоток свежего воздуха.

— Добрый день, — буркнул он, не переступая порог. — Не помешал?

— Здравствуйте, — я поправила выбившуюся из пучка прядь, внезапно осознав, что я снова в растянутом свитере и старых джинсах. — Нет, я... я дома. Что-то случилось? Я опять что-то сломала, а Вайнона мне не сказала?

Уголок его рта чуть дрогнул — кажется, это была попытка улыбнуться.

— Нет. Я просто... — он замялся, что было ему совершенно не свойственно. Обычно он говорил рублеными фразами, как приказы отдавал. — Я вчера забыл заглушки поставить. На болты. Те, которыми шкаф стягивал. Некрасиво торчат, да и одеждой зацепиться можно. Порвете еще. Вот, заехал по пути.

Он протянул пакет, в котором гремели маленькие пластиковые шляпки под цвет дерева.

Я смотрела на эти заглушки и чувствовала, как в горле встает странный ком. Он приехал в воскресенье. Специально. Чтобы поставить какие-то копеечные пластмасски, о существовании которых я даже не подозревала. Чтобы я не порвала одежду.

Леонид бы никогда...

— Проходите, — я отступила в сторону, шире открывая дверь. — Пожалуйста. Не стойте на сквозняке.

Он вошел, аккуратно вытирая огромные ботинки о тряпку (коврик я так и не купила).

— Разуваться не буду, я быстро, — предупредил он. — Просто щелкну и уйду. Как нога?

— Живая, — я хлопнула ладонью по бедру выше колена. — Хожу. Спасибо вам. За вчерашнее. И за сегодня.

Он кивнул и прошел в комнату. Я посеменила следом, чувствуя себя немного неловко. В комнате царил «творче-

ский беспорядок», но не божественный, как у Лёни, а старушечий: распущенные нитки на полу, клубки на кресле, пыль, летящая от старой шерсти.

Михаил подошел к шкафу. Достал из кармана отвертку и принялся деловито надевать заглушки на шляпки болтов. Щелк. Щелк. Его большие пальцы справлялись с мелкой работой на удивление ловко.

— Вот теперь порядок, — сказал он через минуту, убирая отвертку. — А то торчало как... неаккуратно, в общем.

Он повернулся, чтобы уйти, но его взгляд зацепился за кресло. За начатое вязание, лежащее на сиденье, и ворох серой пряжи.

Я внутренне сжалась. Рефлекс сработал мгновенно. Сейчас скажет что-нибудь едкое. Про бабушкин сундук. Про то, что нормальные женщины в выходной отдыхают, а не пыль глотают. Или, как Лёня, пошутит про «антисекс».

Михаил подошел ближе. Я хотела загородить собой кресло, но не успела. Он протянул руку и потрогал моток распущенной пряжи. Потер нить между пальцами, проверяя на жесткость.

— Шерсть? — спросил он. Не насмешливо. Серьезно.

— Да, — я вздернула подбородок, готовая обороняться. — Старый свитер распустила. Натуральная. Колючая только.

— Колючая — это хорошо, — неожиданно сказал он. — Кровообращение разгоняет. Настоящая вещь.

Он посмотрел на спицы, на несколько рядов уже связан-

ной резинки.

— Сами вяжете? Или так, балуетесь?

— Вяжу, — ответила я, и в голосе прозвучал вызов. — Раньше много вязала. Свитера, шарфы, шапки. У меня даже заказы были, еще в декрете. А потом... бросила. Мужу не нравилось.

— Дурак, — коротко припечатал Михаил.

Я моргнула.

— Что?

— Дурак, говорю, муж ваш, — он поднял на меня свои серые, спокойные глаза. — Вязать — это терпение нужно. И руки правильные. У моей матери руки такие были. Она из ничего могла вещь сделать. В девяностые нас с братом только этим и спасала — обвязывала с ног до головы.

Он снова посмотрел на клубок, и в его взгляде промелькнуло что-то... тоскливое? Жаждущее? Он переминался с ноги на ногу, словно решаясь на что-то. Его монументальная уверенность куда-то испарилась. Сейчас он напоминал огромного, смущенного школьника, который хочет попросить списать домашку, но боится отказа.

— Анжела... Викторовна, — начал он официально, но тут же сбился. — Слушайте. А вы... вы на заказ сейчас не возьметесь?

— На заказ? — я удивилась так искренне, что даже забыла про больную ногу. — Михаил, я же говорю, я сто лет спицы в руки не брала. Это я так, для нервов. Чтобы с ума не сойти.

— Да мне не надо красиво, — он махнул рукой. — Мне надо... тепло.

Он опустил взгляд на свои ботинки. Тяжелые, рабочие, с металлическими носами.

— У нас сейчас на объекте... ну, не курорт, короче. Здание старое, отопления нет, сквозняки гуляют. А в бытовке пол бетонный, ледяной. Обогреватель гоняем, но толку чуть, по низу всё равно тянет. Ноги мерзнут страшно. К вечеру пальцев не чувствую, хоть волком вой. В магазине брал носки, написано «шерсть», а там синтетика одна, нога потеет и мерзнет еще сильнее.

Он посмотрел на меня с надеждой, которая совершенно не вязалась с его суровым обликом.

— Вы бы мне... носки не связали? Вот из этой самой, колючей? Простые. Грубые. Лишь бы грели. Я заплачу, сколько скажете. Или материалами отдам. Я могу вам плитуса нормальные привезти, тут щели по низу — рука пролезет.

Я стояла и смотрела на этого мужчину. На его обветренное лицо, на шрам над бровью, на руки, вьевшаяся грязь в которые не отмывалась никаким мылом.

Лёня просил меня связать ему чехол для объектива. «Чтобы стильно было, винтажно». А когда я связала, он его выбросил через неделю, сказав, что это «колхоз».

Михаил просил тепла. Простого, физического тепла, потому что он мерзнет на работе.

У меня защипало в глазах. Не от обиды, а от какого-то

щемящего чувства узнавания. Я вдруг поняла, что все эти годы я пыталась согреть того, кто в этом не нуждался. Лёня был «хладнокровным», ему всегда было жарко, он распахивал окна, когда я куталась в плед. А вот стоит человек, которому холодно. И я могу ему помочь. Я. Своими руками.

— Не надо платить, Миша, — тихо сказала я. Имя вырвалось само, без отчества, без официоза. — И плинтуса не надо. Пока.

— Как не надо? — нахмурился он. — Работа же. Время. Глаза портить.

— Вы мне шкаф собрали. И кран. И вообще... спасли меня от потопа и позора. Считайте, это мой бартер. Я свяжу. Мне... мне самой это нужно.

Он помолчал, разглядывая меня. Потом кивнул.

— Добро. Тогда договорились. Только шерсть я куплю, скажите, какую.

— Не надо покупать, — я улыбнулась, впервые за день искренне. — Вот эта, — я кивнула на распущенный свитер, — она идеальная для носков. «Деревенская». Не убиваемая. И греть будет как печка. У меня её тут на роту солдат хватит, дед, видимо, крупный был.

Михаил облегченно выдохнул, плечи его расслабились.

— Ну, спасибо. Выручите. Правда. А то я уже думал валенки покупать, но в них по лесам скакать неудобно.

— Только мне мерку снять надо, — спохватилась я. — У вас нога... большая.

Я опустила взгляд на его обувь. Там был, наверное, сорок пятый, не меньше.

— Сорок шестой, — виновато признался он. — Ласты.

— Снимайте ботинок, — скомандовала я, чувствуя прилив деловой энергии. Тот самый, профессиональный, с которым я обычно рассаживала гостей в зале. — Будем мерить.

Михаил замялся.

— Да я... носок там, может, не свежий... весь день на ногах.

— Михаил! — строго сказала я. — Вы у меня в ванной по щиколотку в ржавой воде стояли. Вы мне колено бинтовали. Думаете, я носка испугаюсь? Снимайте. Мне подъем нужен и длина стопы, иначе свалятся или давить будут.

Он послушно, хоть и смущенно, начал расшнуровывать свой огромный ботинок. Я тем временем порылась в пакете с рукоделием и нашла старую, растянутую сантиметровую ленту.

Когда он поставил ногу в черном фабричном носке на пол, я, крихтя, опустилась перед ним на одно колено — то, которое здоровое.

Ситуация была до абсурда странная. Я, в своей полупустой квартире, стою на коленях перед чужим мужчиной, измеряя его гигантскую стопу сантиметром. Если бы меня сейчас видели коллеги из ЗАГСа, они бы решили, что я сошла с ума. Или что это какой-то странный ритуал посвящения в новую жизнь.

Но мне не было смешно. И не было противно.

— Подъем высокий, — бормотала я, обхватывая лентой его ступню. — Значит, пятку надо вязать усиленную и резинку посвободнее...

Его нога была твердой, как камень. Он замер, стараясь не шевелиться, и даже дыхание затаил. Я чувствовала тепло, исходящее от него.

— Всё, — я поднялась, опираясь на диван. — Можете одеваться. К среде будут готовы.

Михаил быстро обулся, зашнуровал ботинок с такой скоростью, словно боялся, что я передумаю.

— К среде? Так быстро?

— А что тут вязать? — пожала плечами я. — Лицевая гладь. Под сериал вечером — самое то. У меня сейчас вечера... свободные.

Он выпрямился, и кухня снова стала казаться крошечной.

— Спасибо, Анжела. Я в среду заеду. Может... привезти чего? Продуктов? Тяжести таскать вам с ногой не с руки.

— У меня есть слойки, — усмехнулась я, вспомнив наш первый «завтрак». — И магазин в соседнем доме. Справлюсь.

— Ну, смотрите. Если что — номер знаете.

Он ушел так же, как и пришел — быстро, по-деловому, оставив после себя запах холода и ощущение какой-то... надежности. Словно он подпер невидимыми балками не только мой шкаф, но и мой шатающийся мир.

Я закрыла за ним дверь, повернула замок.

Вернулась в кресло. Взяла спицы.

Теперь это было не просто механическое движение, чтобы заглушить тревогу. Теперь у меня была цель. Задача.

Сорок шестой размер. Это ж сколько петель набирать? Надо рассчитать плотность.

Я потянула нить. Шерсть колола пальцы, но это было приятное покалывание. Живое.

Я думала о том, как странно устроена жизнь. Неделию назад я выбирала дорогое вино для мужа, который меня предал. А сегодня я вяжу носки из распущенного дедовского свитера для едва знакомого прораба, и это кажется мне самым важным делом на свете.

Леонид всегда говорил, что я должна вдохновлять. Быть музой. Парить. А я оказалась приземленной. Мне нравилось кормить, лечить, согревать. Это была моя суть, которую я стыдливо прятала, пытаясь соответствовать его глянцевым идеалам.

А Михаилу не нужна муза. Ему нужны теплые носки. И в этом было столько честности, столько простой человеческой правды, что мне захотелось плакать. Но не от горя, а от облегчения.

Я набрала первый ряд петель. Раз, два, три...

Серый клубок разматывался, шурша по полу. За окном сгущались сумерки, ветер швырял в стекло мокрую крупу, а здесь, в круге света от торшера, рождалось тепло.

— Будут тебе носки, медведь, — прошептала я в тишину.
— Самые теплые.

И впервые за много дней я почувствовала, что я — дома. Не в чужой, убитой квартире с плохим ремонтом, а там, где я нужна. Там, где мои руки могут что-то исправить.

Я вязала до глубокой ночи. Петля за петлей, ряд за рядом. Я вплетала в эти грубые носки не только шерсть, но и свою новую, осторожную надежду. Надежду на то, что даже если тебя распустили, как старый свитер, из тебя всё еще можно связать что-то хорошее. Прочное. И очень теплое.

Глава 14. Чужая свадьба

— Не вертись, Катышкова! У меня сейчас лак в глаз попадет, будешь одноглазым регистратором. А у нас, между прочим, событие областного масштаба.

Вайнона шипела, как рассерженная кошка, орудуя расческой с такой скоростью, будто пыталась высечь из моих волос искру. В тесной примерке, которую мы гордо именовали «комнатой подготовки», пахло лавандовым спреем, старой пудрой и валерьянкой — неизменным парфюмом нашей начальницы, Тамары Павловны. Сама Тамара Павловна металась по коридору за дверью, отдавая истеричные распоряжения уборщице.

— Вайнона, мне больно, — пискнула я, пытаюсь увернуться от очередной шпильки. — Зачем такие сложности? Обычный пучок был бы надежнее.

— Обычный пучок у тебя для слесарей из ЖЭКа, когда они женятся в обеденный перерыв, — отрезала подруга, фиксируя прядь у виска. — А сегодня у нас, извини, сын депутата Горсовета. Там невеста в платье за полмиллиона, а свекровь — дама такая, что взглядом мух на лету сжигает. Ты должна соответствовать. Ты — лицо государства, Ангела!

Я вздохнула и покосилась на свое отражение. Из зеркала на меня смотрела незнакомая женщина. Вместо привычной,

слегка уставшей тетки с тугим узлом на затылке, я видела даму с «голливудской волной», уложенной волосок к волоску. Вайнона расстаралась: макияж был ярче обычного, губы подчеркнуты благородным винным оттенком, а глаза, благодаря умелой растушевке теней, казались огромными и какими-то хищными.

— Костюм сидит идеально, — Вайнона одернула на мне пиджак глубокого темно-синего цвета. — Я же говорила, что тот кусок торта на ночь был лишним? Вот, похудела на нервах, и сразу вид другой. Статусный.

Я криво усмехнулась. Похудела я не от диеты, а от «диеты имени Леонида» — пустой холодильник, стресс и беготня с переездом сделали свое дело. Юбка, которая раньше плотно облегала бедра, теперь сидела чуть свободнее, позволяя дышать полной грудью.

Я сделала шаг к двери и невольно поморщилась. Резкая, тянущая боль в колене напомнила о вчерашнем сражении со шкафом. Пластырь под плотными колготками натянулся, кожу саднило.

— Хромаешь? — тут же заметила Вайнона. — Только не говори, что ты опять что-то на себя уронила.

— Это боевое ранение, — я выпрямила спину, игнорируя пульсацию в ноге. — Напоминание о том, что я теперь самостоятельная женщина. Всё нормально. Дойду.

— Ну смотри мне. Таблетку выпила?

— Выпила.

Я вышла в коридор. Шум и суета усилились. Сегодня наш старый ЗАГС с облупившейся лепниной пытались превратить в Версаль. Флористы с утра таскали охапки белых роз и гортензий, маскируя трещины на стенах и пятна на ковровой дорожке. Охрана в черных костюмах с наушниками-спиральками в ушах шныряла по углам, проверяя каждый закуток, словно мы ждали не свадьбу, а саммит Большой Семерки.

Мне нужно было проверить зал. Убедиться, что микрофон работает, папка с речью лежит на месте, а подушечка для колец не выглядит так, будто на ней спал кот.

Я вошла в большой зал регистрации. Здесь пахло дорогими лилиями и воском. Свет от огромной люстры, в которой сегодня горели все лампочки (Романыч, наш завхоз, лично вкручивал их с утра, матерясь сквозь зубы), заливал паркет торжественным, золотистым сиянием.

В центре зала уже топтались операторы и фотографы, настраивая технику. Я скользнула по ним равнодушным взглядом — обычная суета, к которой я привыкла за двадцать лет. Мое внимание привлек один из них. Он стоял спиной ко мне, ссутулившись, и пытался закрепить вспышку на камере.

На нем был пиджак, который казался тесноватым в плечах, и дурацкий, совершенно неуместный в помещении клетчатый шарф, небрежно намотанный на шею.

У меня внутри что-то екнуло. Неприятно, холодно, как от сквозняка.

Я знала этот шарф. Я сама покупала его три года назад в Милане, на распродаже, когда мы ездили в тот злополучный тур, на который взяли кредит.

Человек повернулся.

Это был Леонид.

Я замерла у колонны, инстинктивно делая шаг назад, в тень. Он меня не видел. Он был слишком занят: какая-то женщина в блестящем платье, видимо, распорядитель свадьбы или родственница, что-то агрессивно выговаривала ему, тыча пальцем в сторону окна.

— ...свет контровой, вы что, не понимаете? — долетел до меня её визгливый голос. — Мне не нужно, чтобы лицо Жан-ночки было в тени! Вы профессионал или кто? Мы вам такие деньги платим!

Лёня кивал. Он заискивающе улыбался, той самой улыбкой номер пять — «я всё исправлю, только не ругайтесь». Он переминался с ноги на ногу, суетливо крутил настройки камеры, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Но это было не то чувство, которого я боялась. Не боль, не тоска, не желание броситься к нему.

Это было недоумение.

Господи, как же он... помялся.

Издалека, с моего «трона» за кафедрой, я всегда видела его немного иначе. Или, может быть, я просто никогда не смотрела на него так. Без фильтра влюбленности и привыч-

ки.

Его рубашка — та самая, нежно-голубая, которую он любил надевать на важные мероприятия — была несвежей. Воротничок слегка пожелтел, а на рукаве, когда он поднял руку, я заметила предательскую сеть мелких морщин. Ткань не видела утюга, наверное, с тех пор, как я ушла. Лидия, его муза, видимо, считала глажку слишком приземленным занятием для своей возвышенной натуры.

Брюки сидели мешковато, на коленях пузырились. А этот шарф... В помещении, где от софитов и количества людей становилось душно, он выглядел не стильным аксессуаром, а удавкой, которая вот-вот затянется.

— Послушайте, я всё сделаю, — бормотал Леонид, и его голос, обычно такой бархатный и уверенный дома, сейчас звучал жалко и дребезжаще. — Я найду ракурс...

— Ищите быстрее! — рявкнула дама и уплыла встречать гостей.

Леонид остался стоять, растерянно озираясь. Он выглядел уставшим. Под глазами залегли темные круги, щеки покрывала неаккуратная щетина — не модная трехдневная, а именно неряшливая, «забытая».

«Сапожник без сапог, — пронеслось у меня в голове. — Свадебный фотограф, который разрушил свою семью, снимает чужое счастье, чтобы купить ужин своей любовнице».

Я почувствовала, как губы сами собой кривятся в усмешке. Горькой, но какой-то... освобождающей.

В этот момент двери распахнулись. Грянул марш Мендельсона — сегодня не в записи, а в исполнении живого струнного квартета. В зал хлынула толпа. Дорогие духи, шуршание шелка, блеск бриллиантов, фальшивые улыбки и оценивающие взгляды.

Пора.

Я вышла из тени колонны и направилась к кафедре. Моя нога отозвалась острой болью на каждый шаг каблука по паркету, но я даже не поморщилась. Наоборот. Эта боль заставляла меня держать спину еще прямее, подбородок — выше. Я шла как солдат, как королева, как хозяйка этого бала.

Я встала за стойку, положила руки на папку с гербом. Окинула зал взглядом. Гости рассаживались, шумели, поправляли наряды.

Леонид был внизу. Он присел на корточки у первого ряда стульев, пытаясь поймать удачный кадр прохода молодых. Он был частью обслуживающего персонала. Невидимкой. Человеком-функцией, чья задача — не мешать и вовремя нажимать на кнопку.

— Прошу внимания! — мой голос, усиленный микрофоном, разнесся под сводами зала. Глубокий, низкий, властный.

Шум мгновенно стих. Десятки глаз устремились на меня.

В дверях показалась пара. Жених — холеный мальчик в костюме, который стоил как моя новая квартира вместе с ремонтом. Невеста — воздушное облако кружев, действитель-

но очень красивая, с испуганными глазами олененка.

Я начала речь. Не стандартную «номер семь». Сегодня я говорила текст «номер один» — самый торжественный, самый пафосный, предназначенный для тех случаев, когда нужно подчеркнуть статус момента.

— Уважаемые дамы и господа! Сегодня, в этот знаменательный день, мы стали свидетелями рождения новой семьи...

Слова лились легко, привычно. Я видела, как мама жениха, та самая мегера, благосклонно кивнула, оценив мой внешний вид и подачу. Я видела, как подружки невесты промокают уголки глаз. Я управляла этим залом. Я дирижировала их эмоциями.

Леонид, согнувшись в три погибели, пятился задом по проходу перед молодыми, щелкая затвором. Он был так увлечен процессом, так боялся упустить момент и получить нагоняй, что не смотрел ни на что, кроме видеоискателя.

Он добрался до подножия моей кафедры. Здесь была лучшая точка для съемки общего плана: молодые на фоне герба и регистратора.

Он опустился на одно колено, прямо передо мной. Навел объектив.

Я продолжала говорить, глядя поверх голов, но боковым зрением видела каждое его движение. Я видела, как он крутит кольцо зума. Как щурится.

И вдруг он замер.

Он оторвался от видеоискателя. Медленно, словно не веря своим глазам, поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Между нами было всего три метра. Но сейчас, в этот момент, между нами пролегла пропасть.

Я стояла на возвышении. В свете софитов. В идеально сидящем костюме, с безупречной укладкой. Я была олицетворением закона, порядка и торжественности. Я была женщиной, на которую смотрели с уважением.

А он... он сидел у моих ног. В прямом смысле этого слова. В своей мятой рубашке, потный, взлохмаченный, с тяжелой камерой на шее, которая тянула его к земле.

Я увидела, как его глаза расширились. В них плеснулось узнавание, а следом — настоящий, неподдельный шок. Его рот слегка приоткрылся. Он, кажется, забыл, где находится и зачем. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Или будто увидел призрака.

В его взгляде не было любви. И даже раскаяния не было. Там была растерянность. Как у ребенка, который вдруг обнаружил, что мама — это не просто удобный диван с функцией выдачи еды, а отдельный, красивый, чужой человек. И этот человек сейчас смотрит на него сверху вниз.

Секунда. Две.

В зале повисла напряженная тишина — я сделала паузу в речи, художественную, запланированную. Но для Леонида эта пауза, должно быть, прозвучала как гром.

Он дернулся. Попытался встать, запутался в полах своего пиджака, неловко взмахнул рукой, чуть не задев штатив видеографа, стоящего рядом. Кто-то из гостей сдержанно хмыкнул.

Я не дрогнула. Ни один мускул на моем лице не выдал того, что этот нелепый человек с камерой — мой муж. Бывший муж. Человек, которому я отдала двадцать лет жизни.

Я смотрела сквозь него. Спокойно. Холодно. Равнодушно. Для меня он сейчас был не Лёней. Не «гением». Не предателем. Он был просто помехой в кадре. Неудачным элементом композиции, который портит торжественность момента своим неряшливым видом.

Я перевела взгляд на жениха и невесту. Улыбнулась им — тепло, профессионально, ободряюще.

— Согласны ли вы... — продолжила я, и мой голос звучал ровно, без единой фальшивой ноты.

Леонид, красный как рак, попятился в сторону, в тень, к стене. Он спрятался за портьеру, пытаясь стать невидимым. Я больше не смотрела в его сторону.

Церемония шла своим чередом. Подписи, кольца, первый поцелуй. Я делала свою работу. И делала её блестяще.

Я чувствовала, как внутри меня, там, где еще утром ныла тупая обида, расправляется какая-то пружина. Страх исчез. Тот липкий страх перед его мнением, перед его критикой, который жил во мне годами. «Ты не так оделась», «ты не так сказала», «ты слишком простая».

Сейчас «простым» был он. Жалким. Маленьким.

— Объявляю вас мужем и женой! — провозгласила я финал.

Зал взорвался аплодисментами. Струнный квартет грянул что-то жизнерадостное.

Я закрыла папку. Царственным жестом указала молодым на выход.

— Поздравляю вас. Будьте счастливы.

Когда процессия двинулась к дверям, я, не задерживаясь ни секунды, развернулась и пошла к служебному входу. Спина прямая, шаг твердый. Нога болела немилосердно, но я летела как на крыльях.

В коридоре было тихо. Дверь отсекала шум праздника.

Я прислонилась спиной к прохладной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось ровно, сильно.

— Ну? — Вайнона высунулась из нашего кабинета, держа в руках чашку с кофе. — Жива? Я в щелочку подглядывала. Видала своего? Как побитый спаниель по залу метался. Жалкое зрелище, честное слово.

Я открыла глаза. Посмотрела на подругу, на обшарпанные стены коридора, на свои руки, которые — о чудо! — совсем не дрожали.

— Не спаниель, Вайнона, — спокойно ответила я, отстегивая с лацкана бейдж. — Спаниели — они милые и верные. А это... это просто испорченный кадр. Брак. В корзину и забить.

Я прошла в кабинет, села за свой стол и с наслаждением скинула туфли.

За стеной продолжался чужой праздник. Где-то там Леонид, наверное, сейчас судорожно пытается поймать в объектив счастливые лица, думая о том, как бы не напороться на мой взгляд снова.

Пусть думает. Пусть боится.

А я... я вдруг очень захотела домой. В свою бабушкину квартиру. Надеть те самые, колючие шерстяные носки, которые я связала для Михаила (себе я уже начала вязать вторую пару, точно такую же), и просто выпить чаю.

С лимоном. И без всякого пафоса.

Глава 15. Фокус сместился

Тяжелая створка из красного дерева закрылась за моей спиной с мягким, почти бесшумным щелчком. Этот звук стал для меня границей, отсекающей фальшивый блеск парадного зала от суровой реальности служебного крыла.

Там, за дверью, еще витал аромат дорогуших лилий и «вдовьего шампанского», а здесь воздух был привычным — сухим, пахнувшим старой бумагой, мастикой для паркета и остывшим растворимым кофе.

Я прислонилась затылком к прохладной стене и на секунду прикрыла глаза.

Адреналин, который держал меня в струне последние сорок минут, начал медленно испаряться. На его место пришла тупая, пульсирующая боль в колене. Пластырь под плотными колготками натянулся, напоминая о моем вчерашнем сражении

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.